

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЛЕОНИД КОНДРАТЬЕВ,
ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ
**ФАЛЬШИВЫЕ
НЕБЕСА**

Владимир Мясоедов
Фальшивые небеса

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Мясоедов В. М.

Фальшивые небеса / В. М. Мясоедов — «АЛЬФА-КНИГА», 2016

Когда рукотворный катаклизм соединяет в единое целое научную базу будущего с далеким темным прошлым, то ничего хорошего из этого не выходит. Особенно если в Средние века попадают террористы, которые и устроили эту катастрофу, причем со всем своим снаряжением – от плазмометов до космокрейсера. Но у мира еще есть шансы! Ведь заряды для пушек на деревьях не растут, а вместе с палящими направо и налево головорезами на тысячи лет назад провалились и их враги, простые люди, которым ведома главная преобразующая сила человечества – научный подход!

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мясоедов В. М., 2016

© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Леонид Кондратьев, Владимир Мясоедов Фальшивые небеса

Пролог

Диспетчер низкоорбитального транспорта, отвечающий за один из районов Европы, был занят крайне важным делом. Он увлеченно и вдохновенно скучал, развалившись в удобном анатомическом кресле, самостоятельно подстраивающемся под его габариты. Должность его была, по сути, номинальной. Все рутинные действия по контролю воздушных коридоров или сообщению бортам нужной информации выполняла бездушная автоматика, в принципе не способная отвлечься или что-то перепутать. Сложнейшая система из компьютеров, датчиков, а также разнообразных устройств ввода и вывода информации, отделенная от полноценного искусственного интеллекта встроенными на аппаратном уровне барьерами, теоретически могла бы и вообще обойтись без оператора.

Однако человечество за века и тысячелетия прогресса не раз сталкивалось с, казалось бы, невозможными ошибками техники. И ужасными ситуациями, вызванными неверными решениями машинной логики. Люди крепко усвоили, насколько им необходим контролер, обязанный следить за правильностью хода работ.

– И мы продолжаем «Новости Земли», – улыбнулась симпатичная дикторша, чья голограмма висела в паре метров от лица лениво зевающего диспетчера. – Из дальних колоний, граничащих с владениями чужих, приходят тревожные вести. Все чаще и чаще неопознанные корабли фиксируются на границах обитаемых систем. Жители опасаются повторения Эребского инцидента, в результате которого три года назад оказались уничтоженными три сторожевых корвета и две с половиной сотни мирных граждан. Посольства рас, чьи территории граничат с ареалом расселения человечества, наперебой заявляют о своей непричастности к текущим событиям. Однако если это не они, то кто? Беседу вице-спикера Совета Земли с уполномоченным по контактам с пришельцами смотрите на нашем канале сразу же после матча по гравитационному футболу.

Тихо пиликнул звуковой сигнал, и изображение девушки сменилось схематической картой, где красным горела одна из отметок. Встревожившийся и моментально подобравшийся человек успокоился и снова расслабленно обмяк в своем кресле.

– Опять грузовая баржа высоту не держит. Разлетались тут... – пробормотал он, едва-едва шевеля направленными на голограмму пальцами. Имплантаты в его теле послали к своей цели соответствующие импульсы, и с космическим кораблем, немного отклонившимся от назначенной ему орбиты, тотчас же установилась мгновенная связь. Возникший в стороне экран, состоящий из одного изображения и не имеющий в себе ни капли материи, показал столь же свободно развалившегося в своем кресле пилота, занятого крайне важным делом. Бутербродом с ветчиной и сыром, съеденным уже более чем наполовину. – Борт «Шахтер 32Б», вернитесь в пределы выделенного коридора, иначе буду вынужден наложить на вас взыскание. Повторяю...

– И нечего мне тут повторять! – недовольно откликнулись с орбиты, аппетитно чавкая. – Я и с первого раза все прекрасно слышал. Так-с, что тут у нас? Черт! И стоило ради такой мелочи эфир забивать? Сейчас подкорректирую.

Диспетчер щелкнул пальцами, вновь включил «Новости» и забыл о рутинном эпизоде своей работы, подобных которому случалось по паре штук на дню. Старенькие грузо-

вые баржи, возившие на Землю минеральные ресурсы из-за пределов Солнечной системы, никогда не могли похвастаться хорошим техническим состоянием. Все-таки благосостояние окраинных миров, где и шла добыча сырья, оставляло желать лучшего. Колонии значительно отставали от метрополии, и оттого тамошние корабли, считающиеся своими владельцами вполне исправными, по меркам обитателей прародины человечества являлись как минимум морально устаревшими. Но хозяева менять их или тратиться на дорогостоящий капитальный ремонт не особо стремились. Летает? Ну вот и хорошо. А ювелирно выполненными маневрами, где точность достигает считаных сантиметров, пусть истребители военно-космического флота хвастаются.

– К новостям науки, – радостно улыбаясь, перешла к следующему блоку заготовленной информации дикторша. – На научной базе «Амаласунта» сегодня состоится пробный пуск излучателя, который, по мысли ученых, обязан помочь человечеству преодолеть барьер между измерениями и получить невиданные ранее возможности для экспансии. Напомним, что после теоретического обоснования подобной возможности десять лет назад во всех сферах общества разгорелись жаркие споры о безопасности подобного проекта. Высказывались мнения, что подобными действиями мы можем привлечь к человечеству внимание куда более развитых и, возможно, агрессивно настроенных цивилизаций. Также звучали протесты против размещения комплекса пусть и в малозаселенном районе, но на нашей родной планете. Однако Совет Земли, выслушавший компетентных специалистов как из числа людей, так и из числа подаривших нам эту технологию визетов, не счел вероятность неблагоприятного развития событий сколь-либо значительной.

– Ага, подаривших! Как же! – скептически хмыкнул диспетчер. – То-то перед тем как поделиться своими достижениями, они снабжали припасами Третий ударный космофлот, проводивший учения в их звездной системе. Зазнайки высокомерные, до сих пор нас облезлыми обезьянами втихомолку кличут. Головастики жабродышашие! Сколько лет мы на их корабли, шляющиеся где попало и не обращающие внимания на предупредительные сигналы и дипломатические ноты, только любоваться могли! И только потом, когда сами овладели способами разгонять снаряды до скорости, превышающей световой барьер...

Договорить ему не дал звуковой сигнал, куда более пронзительный и противный, чем предыдущий. А также снова возникшая схема с прежними обозначениями и сообщение компьютера, в котором говорилось о том, что попытка видеосвязи не удалась. Вернее, на запрос просто никто не посчитал нужным ответить.

– Борт «Шахтер 32Б». – В голосе человека послышалось изрядное удивление. – У вас проблемы с навигатором или с двигателями? Вы покинули выделенный коридор! Эй, да оглохли там все, что ли?

Ответа не последовало. Попробовав связаться с кораблем еще пару раз и заставив автоматику протестировать систему связи, диспетчер признал неприятный факт. Проблемы имели место быть не у него. А значит, настала пора применять радикальные меры.

– Вход в виртуальность! – приказал окружающей его аппаратуре оператор комплекса и тут же был охвачен со всех сторон креслом, не позволяющим его телу свалиться на пол вследствие неловких движений или конвульсивных судорог. Со стороны могло показаться, будто бы человек просто задремал и дергается во сне. Однако на самом деле его сознание уже находилось внутри виртуальной сети. Оперировало числами и данными на уровне, который не может быть охвачен обычным разумом. Теперь оператор был всеведущ. Всезнающ. Практически всемогущ! За доли секунды диспетчер прочитал все заключения датчиков и немедленно потребовал дополнительную информацию, переключив на анализ проблемы дополнительные ресурсы, снятые им с менее важных направлений. И тут же обнаружили несоответствия. Глаза, принадлежащие десяткам устройств, среди которых имелись и корабли, кружившие вокруг Земли на разных орбитах, выявили отличия между имеющимся

в их памяти изображением звездолета «Шахтер 32Б» и судном, носящим те же позывные. Их можно было бы объяснить капитальным ремонтом корпуса или какой-нибудь модернизацией. Однако о проведенных мероприятиях в корабельном журнале, копия которого нашлась в базах данных, не говорилось ни слова.

Гидрометеорологические датчики, расположенные под местом, где только что прошел не отвечающий на сигналы борт, зафиксировали очень странный режим работы двигателей, соответствующий скорее военным моделям, отличающимся несколько иными характеристиками. Анализ же траектории судна показал пересечение ее с одним из объектов повышенной важности. Когда оператор вышел из виртуальной реальности и немного несфокусированно уставился в голографические экраны, вспыхивающие на стенах, потолке и даже полу, сигнал тревоги уже звучал в десятках пунктов противокосмической обороны и прочих связанных с космосом объектов.

– Использование опасного для разума средства признано правомочным, – мягко оповестил компьютер женским голосом, исходящим, казалось, отовсюду. – Рекомендуются после завершения смены пройти курс профилактических процедур в медотсеке.

– Да заткнись ты! – Единодушное мнение военных и гражданских диспетчеров, объединивших сейчас свои усилия для получения лучшего результата, слилось в единый гул и различалось лишь в частности. Они любили свою работу. Не могли не любить. Тот, кто хотя бы раз попробовал виртуальную реальность, пусть и не являющуюся материальным объектом, но входящую в список самых тяжелых наркотиков, известных человечеству, тянулся к ней снова и снова. Несмотря на вред, причиняемый разуму. А потому за использованием, пусть даже в служебных целях, столь опасного инструмента тщательно следили неусыпные и беспристрастные системы безопасности. Множество весьма похожих друг на друга помещений на поверхности планеты, под ней и даже за пределами атмосферы наполнились шумом деловых переговоров.

– Это не ошибка, он прет прямо на научную базу «Амаласунта», – заметил кто-то. – Подлетное время... Полторы минуты. На попытки связи и предупредительное мигание световыми сигналами не отвечает.

– Если верить моим приборам, на этой шахтерской барже крейсерская броня, – откликнулся другой голос. – Ну, или трюм под самый потолок забит слитками металла.

– В декларации на груз как раз что-то подобное и указано.

– Проверяли автоматическим сканированием. Не мне вам говорить, как легко обмануть приборы.

– Так, пора что-то решать, время уходит!

– Сбиваем!

– А если все же гражданский?

– А у нас инструкции и устав! И вообще... Почему система безопасности «Амаласунты» молчит? Моя бы уже выставила навстречу подозрительной цели как минимум пару дюжин ракет.

– В любом случае кораблей флота на нужной орбите нет. Ближайший уже движется нужным курсом, но прибудет не раньше чем через девять минут. И это всего лишь миноносец.

– Ну, вы бы еще истребитель послали! Или десантную капсулу!

– Орбитальная крепость готовится к развороту.

– Пока эта бандура успеет навестись на цель, та рискует развалиться от старости! Скорость увеличивается или мне кажется?

– Работа двигателей возросла в два с половиной раза. Они поняли, что больше притворяться не получится. Фиксирую постановку силового щита, соответствующего ударному крейсеру прорыва.

– Одиночные суда как-то не атакуют планеты с пятнадцатимиллиардным населением, где каждый крупный город имеет собственную систему безопасности. И даже одиночные объекты высшей степени защиты, пусть и занимающие меньшую площадь, но защищенные не хуже. Не понимаю, на что эти самоубийцы рассчитывают? Их же просто размажут! Пусть и не сразу.

– Система противодесантных излучателей, установленная в поселке Гринмут, отработала по цели. Видимых результатов не зафиксировано. Больше наземных средств самообороны на пути к цели нет. Расчетное время прибытия истребителей, стартовавших из Ганновера, – две минуты.

– Вы бы еще камешками по такой цели покидались. Эй, кто тут с «Амаласунты»? Почему молчите? У вас же должны быть противокорабельные ракеты и излучатели.

– Я.

– Чего – я? У вас вооружение по плану уступает лишь тем игрушкам, которые охраняют Совет Земли да крупнейшие мегаполисы! Почему молчим?

– Я с «Амаласунты».

– Эй, это фантом!

– Сам ты фантом, я живой.

– Действительно живой, если датчики не врут, тогда почему молчите?

– Они начинают стрелять! Щиты «Амаласунты» не работают! Я вижу, как здания под ударами плазмы разлетаются на куски!

– Идет сброс десантных капсул! Двадцать... Пятьдесят... Мамочки, да их больше трех сотен! Ответный огонь ведется лишь из ручного оружия!

За спиной диспетчера, находящегося на далекой научной базе, открылась дверь. Внутрь стремительной молнией просочился боевой киборг, сейчас из-за слоя псевдоживой кожи-брони больше похожий на металлическую статую, чем на человека. Сотрудник службы безопасности просто вышвырнул оператора из его кресла и сам уселся в него.

– Все заблокировано! – взвыл он секунду спустя. Потолок над ним затрясся. Видимо, центр обороны научного комплекса, явно выбранный одной из приоритетных целей, попал под обстрел корабля. – Моих кодов доступа не хватает. Черт! Да система вообще убита напроць и только делает вид, будто работает! Ты чего натворил, предатель?!

– Слава Малину! – патетически провозгласил диспетчер, выпрямляясь и стараясь принять гордую позу. – Я, ничтожный раб твой, вверяю свою душу великому Богу!

– Фанатик!

– Радикал!

– Псих религиозный!

– Эти отморозки заигрались! Флот простерилизует их вшивую планетку!

Негодующие вопли диспетчеров, прекрасно слышимые на научной базе, не помешали безопаснику направить на предателя свою руку, с которой сорвалась алая молния плазменного разряда. Представитель наиболее опасного религиозно-террористического сообщества, известного человечеству, за доли секунды изжарился до черноты. Тело его рухнуло на пол, и тотчас же на киборга упала бетонная плита обрушившегося потолка.

– Что там происходит? – секунд через тридцать нарушил кто-то из диспетчеров установившуюся тишину.

– Резня, – коротко ответил ему оператор, наблюдающий за разыгрывающейся трагедией посредством очень мощного телескопа. – Десант уничтожает все на своем пути, не жалея взрывчатки и плазмы. Система обороны не работает. Полицейские уже уничтожены или вот-вот отправятся на тот свет. Гражданские же, даже если они успели вооружиться, для этих фанатиков не преграда. Да и жалость малинитам верой не позволена.

– Миноносец сбит, – коротко сказал кто-то из военных. – Истребители идут на перехват.

– Самоубийцы, – устало констатировал диспетчер низкоорбитального транспорта, отвечающий за пострадавший район Европы. – Тут надо ждать, пока тяжелые корабли подтянутся. А уж как потом террористов вычищать будут, вообще не представляю. Их же ударами с орбиты не уничтожишь, придется армию вводить. Целая войсковая операция.

– Эй, стоп!

– Это еще что такое?

– Куда «Амаласунта» девалась?

Несколько недоумевающих воплей слились воедино, а истребители, приготовившиеся ценой своей жизни выиграть для уничтожаемого научного центра несколько мгновений, свободных от обстрела, так и не смогли выпустить по врагу ни одного заряда. Вражеский корабль исчез. И база тоже. А вместе с ними большой кусок прилегающей территории, оставивший после себя яму семидесятипятиметровой глубины, чьи края немедленно начали обрушиваться. Лишь воздух, заполняющий пустое пространство, слегка качнул юркие машины.

Глава 1

Треск раскалывающегося пластобетона, больше похожий на хруст пластинки стандартного пищевого концентрата, сработал намного лучше сигнала будильника. Тем более что индивид в потертом техническом комбинезоне, раскинувшийся на затянутой синтеткожей кушетке, еще несколько часов назад был слишком пьян для того, чтобы провести такую сложную операцию, как установка времени пробуждения. Скотившись на заплыванный пол гауптвахты, старший техник одного из приписанных к научной базе «Амаласунта» планетарных челноков первым делом схватился за раскалывающуюся от чудовищного похмелья голову. Данная деталь организма, судя по его ощущениям, представляла собой сплошной комок оголенных нервов, и каждая клеточка сейчас была занята тем, что болела. Болела. Болела! С трудом переборов нахлынувший на него приступ дурноты, мужчина осторожно поднялся на ноги и что-то неразборчиво замычал. Выпитое вчера пойло было настолько разнообразным и экзотическим, что установленные еще веселым курсантом летной академии имплантаты, нормализующие работу печени и помогающие ей фильтровать кровь от вредных примесей, не справлялись с последствиями неумеренных возлияний. Впрочем, трясущиеся стены и покачивающийся пол, а самое главное, замерцавшая и брызнувшая осколками пластика световая панель не позволили вчерашнему имениннику впасть в самокопание. Его камера чуть ли не падала прямо на голову своему узнику! Где уж тут в полной мере оценить и медленно посмаковать все физиологические последствия устроенного не далее как пять часов назад пьяного дебоша?!

Следующий совсем уж титанический удар зашвырнул тело узника гауптвахты под привинченную к стене кушетку. И заодно обрушил большую часть потолка на многострадальный пол. Еще несколько рывков, сопровождавшихся треском перекрытий и пластопанелей, и в заполненном клубами пыли и керамической крошки объеме наступила тишина.

Где-то в отдалении продолжали рушиться конструкции здания. Что-то взрывалось и с воющим треском рассыпалось на изуродованные обломки. Однако после серии действительно мощных ударов наступил перелом, и через минуту все более-менее успокоилось. Луч света, льющийся из пролома на покореженный тамбур входа, замер в неподвижности. Наступил тот самый миг тишины, который бывает только после разгула стихии разрушения, когда демоны энтропии набрасываются на окружающее, заставляя все вокруг застыть, поражаясь величию и беспощадности происходящего...

– Пик. Пик. Пик. – Настойчивый сигнал модуля связи заставил покрытое мусором и больше похожее на манекен тело пошевелить руками и, вдохнув наполненный пылью воздух, громко чихнуть. Перед внутренним взором узника зависла ярко-красная надпись, повествующая об отсутствии сигнала планетарной сети. И вдобавок, как будто всего произошедшего было недостаточно, об окончании срока аренды посадочного модуля. Заковыристо выругавшись на старотеранском и еще раз чихнув, бывший пилот тяжелого десантного истребителя прорыва Четырнадцатого флота Земной Федерации Алекс Вей окончательно пришел в себя и схватился за многострадальную голову.

Первое, что бросилось ему в глаза, это практически уничтоженное помещение гауптвахты, до боли похожее на точно такие же закутки корабельных душегубок. А уж сравнивать Алексу было с чем. По старой пилотской традиции за время службы в ВКС он почтил своим вниманием практически все подобные заведения на флоте. Начиная с линкора и заканчивая заштатным закутком торгового лихтера. Чего только не придумали яйцеголовые для того, чтобы скинуть послебоевой мандраж чудом выживших в мясорубках ближнего боя пилотов истребителей! Однако до сих пор ничего лучше обычной выпивки, хорошего мордобоя и горячей девчонки под боком так и не изобрели. Тем более что всевозможная наркота

или жесткий программный контроль эндокринной системы никогда ни до чего хорошего не доводили. Поэтому командование флота предпочитало мириться с вечно пропадающими на гауптвахтах дебоширами, а не тратить на восстанавливающую психопластику для внезапно сошедших с и так не великого ума «ангелов космоса». Правда, из-за этого бывших военных пилотов на гражданке, и в особенности в торговом флоте, любили чуть более чем никак. Да и планетарные СБ относились к списанным из-за ранений, израсходования восстановительных ресурсов организма или еще по каким-нибудь причинам летунам очень уж подозрительно. Нет, в основной своей массе все боевые имплантаты из них вынимали еще при увольнении. Однако вставлять на место поврежденные безнаказанностью и адреналиновыми штормами мозги флотские коновалы не умели. А может, и не хотели, о чем с большей долей вероятности втайне подозревали то же СБ и большинство населения.

К счастью, срывы, подобные вчерашнему, из-за которого он и угодил в это разрушенное странным образом помещение, с Алексом случались не часто. Не то чтобы на станции отсутствовало необходимое горючее... Просто, на взгляд бывшего военного пилота, в заполненных учеными аккуратных зданиях научного городка оказалось не с кем выпить. Не считать же хорошими кандидатами для совместной пьянки настороженно зыркающих зверьков из СБ? Ну а с гражданскими летунами за полгода своего нахождения в этой столичной тьмутаракани пилот третьего ранга Алекс Вей так и не сошелся. Вряд ли парочка легких мордобоев и уведенная в баре девчонка из юротдела могли считаться началом дружбы. Вообще свое появление на этой научной базе Алекс считал одной из главных несправедливостей и подлянок, которые ему лично могла сделать вселенная.

Уволившись полгода назад, а еще точнее, попав в список профнепригодных из-за незначительных повреждений нейросети, вызванных электромагнитным импульсом, возникшим при близком взрыве изношенного в хлам плазменного реактора какого-то задрипанного пирата, Вей был брошен на произвол неласковой тетки судьбы в лице медицинского департамента. И уж если развитие человечества привело к какому бы то ни было прогрессу, то, по мнению большинства военных, этот прогресс в основном заключался в изобретении все более разнообразных методов, способных оставить ближнего без последнего кредита. Попытка восстановления пилотской нейросети стоила Вею триста двенадцать тысяч. Извлечение окончательно сдохших мозговых имплантатов и восстановительные мероприятия – девяносто пять тысяч. Проживание и поиск хоть какой-нибудь достойной работы в течение месяца – лишь трехсот шестнадцати кредитов. А ведь еще пришлось тратить на покупку и установку старенькой, но вполне себе надежной пилотской нейросети гражданского образца.

В итоге по окончании медицинских процедур на его счету осталось не более семи сотен универсальных денежных единиц. И если бы не наводка одного старого друга, вовремя маякнувшего о наличии хлебного места старшего техника на борту удачно подвернувшейся каботажной калоши, уже через пару-тройку месяцев или при строгой экономии через полгода бывший пилот оказался бы на улице. Нет, конечно, в том вселенском муравейнике материнской планеты, в который его по окончании всех процедур выбросил проходящий по своему маршруту корабль-госпиталь ВКС, можно было устроиться на вполне себе непыльную работу... Оператором на гидропонной ферме или техником по ремонту транспортных краулеров. На большее с таким послужным списком надеяться просто смешно. Посторонних без опыта работы зажавшиеся столичные корпорации на нормальные должности не брали, а чтобы получить этот самый опыт, требовалось куда-то устроиться, причем не уборщиком или там грузчиком.

Прочихавшись и еще раз заковыристо помянув рвачей из медслужбы, Алекс наконец-то огляделся. Окружающее, конечно, не виделось в радужных тонах, но один факт внушал

определенный оптимизм – в пролом на потолке лился вполне естественный мягкий свет, и тянуло оттуда приятным свежим воздухом.

– Бред! Кх! Кх! Бха! – откашлялся бывший пилот, а теперь заштатный техник орбитального буксира, лишь для красоты обозначенного в отчетах планетарным челноком, и сплюнул куда-то в район бывшей двери: – Мерзость-то какая! Чего же это такое я вчера пил, если оно даже сейчас на полу все еще зеленое и подозрительно пузырится?

Кое-как выбравшись из-под остатков рухнувших перекрытий и кусков пластобетона, Алекс наконец-то смог полностью окинуть взглядом внутренности той мышеловки, в которой оказался. Стандартное помещение карцера, описанное в строительных флотских нормативах какого-то лохматого, вроде бы еще докосмического года, изменилось до неузнаваемости. На воздействие фугасного боеприпаса это, конечно, походило слабо, но чем еще можно так приголубить отдельно стоящее на краю космодрома рядом с норкой «зверьков» и звездой комплексов ПКО здание гауптвахты? Уж на местах заключения флот и армия никогда не сэкономили. Тяжелый пластобетон четвертого-пятого класса с кварцевым наполнителем во флоте по традиции шел только на одежду капониров и гауптвахты. И чтобы довести его до вот такого состояния, следовало очень постараться. Обычный пилот вряд ли оказался бы специалистом по воздействию боеприпасов на планетарные сооружения, но парочка строчек в личном деле Алекса объясняла такую осведомленность. За годы службы человечеству, ну или хотя бы Совету Земли как его руководящему органу, Алексу приходилось очень много летать. И аж четыре раза падать. Объяснялось подобное положение дел в первую очередь его машиной, любовно прозванной в войсках «гарантированным гробом с крылышками». Многоцелевой аппарат в девичестве создавался как тяжелый космический истребитель и для своего класса был в общем-то не так уж плох. Вот только после нескольких лет его использования какой-то конструктор-рационализатор, явно имеющий волосатую лапу в верхах, выдал линейку модификаций для данного вида техники.

История умалчивает, что и в каких выражениях было сказано первыми военными пилотами после того, как они бросили взгляд на чудовищ, прибывших к ним из недр судостроительных заводов Солнечной системы. Однако в обиходный сленг технического персонала тяжелые десантные истребители так и вошли под емким и запоминающимся обозначением «гроб с крылышками». Ну и для уточнения того, какая именно это модель, подставлялась пара-тройка эпитетов. В редком случае – цензурных.

«Лакированный гроб» получил свое гордое прозвище за противозащитную абляционную броню, так весело переливающуюся всеми цветами радуги под огнями технических рамп на стартовых столах. И чуть менее чем никак держащую осколочные элементы и кинетические боеприпасы вражеской ПКО. «Гроб-камикадзе» обладал двойным реактором, выдающим неплохую мощность, но идущим вразнос чуть ли не от первого же попадания. Большой проблемой было найти людей, согласных сесть за штурвал «музыкального гроба». Предназначенная в основном для радиолокационной борьбы техника лишилась части брони, вооружения и системы экстренного катапультирования пилота. Но вершиной конструкторской мысли, а точнее, конструкторского идиотизма, по праву могла считаться десантная модификация, прославившаяся не просто «гробом», а тем самым «гарантированным гробом». Да, народа туда влезало немного, всего человек десять. Вот только, по мнению заседающих в штабах стратегов и тактиков, в этом был один большой плюс. По крайней мере, доверенные им войска не могли убиты все сразу, попав под удачный выстрел. Ну а почти гарантированная потеря нескольких аппаратов при каждой высадке укладывалась в допустимые проценты.

Эту машину пилоты ненавидели, поскольку, изначально спроектированная для космоса, в атмосфере она вела себя как гибрид кирпича с неуправляемой ракетой. Под каждым

их ругательством мог подписаться любой пехотинец, которому довелось под огнем противника выползать из тесных противоперегрузочных ложементов, куда определил людей технический гений создателя сего замечательного аппарата. С дружной руганью разных родов войск были согласны даже вечно всем недовольные костоправы из медицинской службы, уставшие вырезать по кускам из легко сминаемых при аварийной посадке машин то, что еще недавно было веселыми, улыбающимися парнями. А еще стоило добавить тот факт, что проведшая более пары часов в тесных вертикальных ложементах десантная партия практически гарантированно обретала чуть ли не поголовные признаки стойкой клаустрофобии и после окончания миссии стройными рядами шествовала на поголовную психокоррекцию.

В общем, тяжелый десантный истребитель надолго вошел в словарь флотских проклятий и породил немало смешных и страшных баек, базирующихся на реальных событиях. А уж его поистине «легендарная» надежность, особенно при посадке на необорудованные космодромы или, не дай духи космоса, прямо на позиции выбитой ПКО и городские кварталы, была просто невероятной. Пилоты «гробов», к которым как раз и относился Алекс Вей, всегда таскали с собой гору инструментов и запасных частей, начиная от плазменного сварочного аппарата и заканчивая балками судового набора. И нередко были вынуждены докупать за свои личные накопления технические базы по обслуживанию и ремонту. Убедить руководство, что пилоту жизненно необходимы такие вот специализированные знания и, следовательно, государство должно оплатить их получение, удавалось лишь очень редким счастливицам.

Правда, после всего этого на флоте за пилотами десантных истребителей плотно утвердилась слава сумасшедших умельцев на все руки, способных с помощью набора выживания, груды металлолома и крепкого словца починить любое устройство гражданского или военного назначения. От плазменной винтовки и до самогонного аппарата. Конечно же в том случае, если предоставляемой им выпивки будет в достатке.

Громко чихнув, кое-как оклемавшийся Алекс поудобнее схватился за край свисающей с потолка балки и принялся аккуратно подтягиваться, стараясь как можно меньше тревожить застывшие в неустойчивом равновесии конструкции. Солидная щель между потолком и частично обвалившейся стенкой коробки гауптвахты буквально манила к себе пилота. Тем более что плотно заваленный дверной шлюз не внушал никакого оптимизма. Ободрав в нескольких местах спину и чуть не распрощавшись с жизнью из-за не вовремя просевших строительных плит, сиделец наконец-то выбрался на свободу, подобно беспомощному червяку, весомо приложившись при падении о засыпанные кусками пластобетона и какими-то искореженными железками плиты космодрома. Буквально через пару мгновений после этого коробка гауптвахты сложилась внутрь себя, поскольку несущие конструкции не справились с резко увеличившейся нагрузкой. С той позиции, на которой лежал пилот, было отлично видно, что на крыше плоской вытянутой постройки скопились просто непомерные завалы строительного мусора... в недавнем прошлом являвшегося западным крылом полицейского участка. Удар, пришедшийся в учреждение правопорядка, обрушил его как минимум на треть. Да и остатки здания выглядели какими-то... обшарпанными.

– Кха! Тсс... Черт! – поморщившись от боли, перекручивающей тело из-за множества уже начинающих наливать гематом, Алекс обратился к безучастно проплывающим перед его взором легким перистым облакам, раскрашенным светом то ли восходящего, то ли заходящего светила. – А ведь был бы штатской крысой, стал бы ждать, пока помощь придет. И стопроцентно склеил бы лапы под всем этим мусором.

Еще через несколько секунд в голову распростершегося на таком удобном бетоне человека постучалась некая мысль, от которой в первый момент отмахнулся даже натренированный на обработку большого массива информации мозг пилота ВКС. Но только мысль была чересчур уж настырная.

– Какого?! – Наконец-то осознавший необычность окружающего Алекс резко приподнялся, зашипев при этом от боли. – Не понял?! Это что, шутка?

Пейзаж, который наблюдали глаза пилота, дополненные специализированными имплантатами, был очень красив. Белые облачка, синее небо, горы... Вот только никаких гор вблизи «Амаласунты» не было. Во всяком случае, до момента его, Алекса, попойки. И если кардинально поменять ландшафт и убрать мешающую ему деталь земной поверхности он еще смог бы, добравшись до главного калибра одной из прикрывающих планету орбитальных крепостей, то вот как насыпать на ровном месте подобную возвышенность, представлял себе очень смутно.

Все еще не понимающий, где он находится и что за бардак творится вокруг, Алекс поднялся на ноги и поплелся к ближайшим дверям уцелевшей части полицейского участка. Внутренний дворик этого учреждения, в котором стояла гауптвахта, окружали трехметровые стены, гладкий бетон которых исключал всякую возможность бегства. Конечно же если под рукой нет комплекта альпинистского снаряжения или переносного антиграва. Завал, образовавшийся на месте разрушенного крыла здания, выглядел чуть более проходимым, но именно выглядел. Участвовавший в десантных операциях военный прекрасно знал, как легко переломать ноги на залежах строительного мусора. Особенно если они еще не отлежались и могут «поплыть» от малейшего сотрясения. Чтобы выбраться к людям, тому, кто покинул гостеприимный приют для различного рода правонарушителей, требовалось пройти еще и через здание полиции. Вей уже бывал в нем несколько раз по разным поводам, а потому, шагая по заброшенному участку, представлял примерную географию своего маршрута.

Внутри цитадели стражей порядка этого самого порядка не было. Повсюду виднелись следы панического бегства в виде разбросанных личных вещей, переломанной либо просто опрокинутой мебели и даже отпечатков чьих-то окровавленных ладоней на стене. Путь Алексу перегородил завал из обрушенных потолочных плит, из-под которого торчали чьи-то ноги в дорогих туфлях из натуральной кожи. Протиснуться в этом месте нечего было даже пытаться, а потому растерявшийся человек огляделся по сторонам, прислушался и, держась за голову, свернул в боковой коридор. Ему показалось, что оттуда доносится какой-то шум, и с каждым пройденным в выбранном направлении шагом уверенность в собственной правоте у пилота крепла. Недолгие метания в поисках выхода и источника звуков привели его к частично свободному дверному проему, перегородженному закопченным остовом грузового флаера. Был бы бывший пилот моложе лет на двадцать, пожалуй, он мог бы воспользоваться найденным выходом. А так – только и сумел встать на карачки и заглянуть под днище влипшегося в землю транспорта. Да так и замер в не слишком удобной позе.

– Вот же ж дрянь! – пробормотал Алекс Вей, помотав из стороны в сторону головой, которая и без того гудела немилосердно. – Лучше бы я в том кабаке на отряд военной полиции напал. С оружием. И с нанесением тяжких телесных, вплоть до летальных. Этим бездельников давно пора было проучить, а шансов выжить на астероидных рудниках все же больше, чем под волной злого до чертиков десанта.

Как оказалось, коридор, приведший его сюда, выходил не на улицу, а на небольшую террасу, расположенную на втором этаже здания и служившую чем-то вроде небольшой рекреационной зоны. Во всяком случае, черная жирная земля, вылетевшая из разбитых ваз, где росли разные фикусы, земные и инопланетные, теперь густо устилала пол и была перемешана с самими растениями. Но не это привлекло внимание бывшего военного, а происходящее чуть дальше на улице действие, для которого впечатлительные личности подобрали бы слово «трагедия», а здравомыслящие «резня».

Толпа, состоящая примерно из полусотни человек, среди которых Алекс парочку даже где-то видел, металась из одной стороны в другую, словно обезумевшее стадо, повинувшись резким гортанным командам, отдаваемым с явным акцентом и еще больше искажающихся

после прохождения через не слишком-то качественные внешние динамики десантных скафандров. А «пастухи» в количестве четырех штук щелкали тех, кто оказался недостаточно расторопен. Разрядами из ручного оружия щелкали. Поток пойманной в магнитную ловушку плазмы при столкновении с человеческим телом оставлял на месте последнего живой кричащий факел, свидетельствуя о том, что регулятор мощности оружия выведен на самый минимум, применяющийся обычно лишь на учебных стрельбах.

– Влево! Живей! Живей! Живей, толстые неверные свиньи! – почти нечленораздельно покрикивал едва видимый Алексом ублюдок, пристрелив очередного несчастного, которым оказался пожилой мужчина с покрытой полуседыми волосами головой, немного прихрамывающий на правую ногу и непонятно как сумевший дожить до этого момента. – Слово Малина вам было сказано? Было! Так что ж вы, толстобрюхие дети порока, не следовали ему? Не молились ежедневно? Не каялись еженедельно в грехах своих святым людям, жрецам и слугам его? Не изгнали и не перебили еретиков, осмелившихся утверждать, будто Бога нет? А может, вы и соглашались с ними? Вправо! Вправо! Кому сказал, вправо, а не влево!

– Фанатики, – ошалело пробормотал Алекс, понявший, кто именно напал на тихую и мирную научную базу. – Малиниты. Как эти ненормальные пробрались на Землю? Куда смотрел космофлот? И... где он сейчас?! Время развертывания наземных боевых частей в любой точке планеты составляет всего полчаса! Ведь не могли же придурки из одного-единственного мира, к тому же отстающего от метрополии в уровне развития лет на двести, вынести весь наш флот, чуть ли не самый опасный в этой части галактики?!

Бывший военный впал в настоящий ступор, поскольку не в силах был сопоставить то, что он видит, и то, что должно происходить. Если, конечно, вселенная еще не окончательно сошла с ума. Малиниты, то есть поклоняющиеся Малину, представляли собой настоящую головную боль для всего человечества и сильно портили репутацию вида хомо сапиенс в глазах представителей иных рас. Фанатики действительно время от времени устраивали весьма кровавые теракты, не стесняясь за пределами грязных методов. Одна из самых ранних и в то же время самых удаленных колоний землян около двух сотен лет назад пережила переворот, устроенный молодым, амбициозным и крайне беспринципным авантюристом, называющим себя мессией, посланным небесами.

Новоявленное воплощение Бога, будучи неудовлетворенным всеми известными на тот момент верованиями, проповедовало свою собственную религию. В ней бесстрастные аналитики опознали синтетическую смесь нескольких известных ранее учений, густо приправленную технологиями изменения сознания. Действенность последних всем, кто попался в цепкую паутину секты, обеспечивали специально разработанные имплантаты, почти аналогичные по своим функциям тем, которые вживлялись самым отъявленным преступникам. То есть высшие иерархи новой церкви могли не только следить за каждым из своей паствы или корректировать его самочувствие и настроение, но при желании и наличии под рукой достаточно мощного устройства связи просто брали его тело под контроль, управляя им как живой марионеткой. Немаловажным был и тот факт, что избавиться от такого «подарка» добрых священнослужителей в полевых условиях в принципе не мог никто. Требовались специализированный госпиталь и знание пароля, без которого шансы оперируемого на успешное выздоровление или хотя бы выживание измерялись считаными процентами.

Установившийся на планете режим отрицал все религии, кроме ставшего официальным поклонения пророку Малину, живому посланнику Бога, и особо зверствовал по отношению к атеистам. Те, кто не соглашался безоговорочно принять устои, провозглашенные церковью, которая еще и насчет полного свода законов не определилась, вынуждены были покинуть свою родину. Или умереть. Имелись, впрочем, у жесткого контроля правящей верхушки и плюсы. Исчезла преступность, причем полностью. Нижние чины не имели достаточной для нее свободы воли, а произвол отдельных высокопоставленных личностей под

термин «правонарушение» уже не попадал, ибо не могли столь святые люди нагрешить. Коррупция сократилась, теперь размеры взяток измерялись суммами с куда меньшим количеством нулей, ибо за слишком плохое исполнение обязанностей или излишне затягиваемое дело, признанное священниками полезным для церкви, прощались с жизнью.

Налоги, ранее отправлявшиеся в метрополию, теперь оставались на родине. А грандиозные кредиты в виде огромных партий самого современного оборудования и передовых технологий, набранные перед самой сменой власти некими фирмами, чье руководство сплошь состояло из верных сынов пророка Малина, теперь никто и не думал отдавать. В общем, благосостояние рядовых жителей планеты резко скакнуло вверх, погасив зарождающееся недовольство резкими потрясениями в духовной сфере. Да и к управлению своей собственностью новые хозяева этого мира отнеслись со всей серьезностью и немалым профессионализмом.

Совет Земли попытался было по-тихому придушить теократию, фактически выведшую одну из планет из-под юрисдикции метрополии. Увы, посланная эскадра не вернулась, поскольку в окраинных колониях проблемы безопасности всегда принимались очень близко к сердцу и, следовательно, в средствах обороны недостатка не имелось. А местные военные в большинстве своем перешли в новую веру, нарушив старую присягу. Но тогда человечество, как раз вступившее в затяжной конфликт с иной расой, послать большие военные силы не могло. Время для мятежа явно выбрали не случайно. А когда необходимые ресурсы все-таки нашлись, генералы, изучив предложенную им цель, схватились сначала за свои головы, а потом уже за шеи слишком долго медливших политиков.

За пару десятилетий имплантацию устройствами, обеспечивающими безоговорочный контроль над теми, в ком они установлены, прошло сто процентов населения планеты. Их ставили грудничкам наравне с медицинскими приспособлениями, обеспечивающими отсутствие особых проблем со здоровьем! А регулярная промывка мозгов воспитала общество, в котором никто и не думал возмущаться своим подчиненным положением или роптать на начальство. Не могло зародиться таких мыслей в промытых при помощи науки и техники головах! И потому тот, кто напал бы на гнездо малинитов (даже если забыть о защитных системах, на строительство которых пошли почти все ресурсы нового строя), чтобы подавить сопротивление, был бы вынужден уничтожить всех адептов новой религии. Миллиард с лишним человек сопротивлялся бы до последней капли крови! Такую ответственность брать на себя никто не захотел, ведь уничтожение развитого мира создало бы прецедент, равного которому еще не было. Со скрипом зубов за отделившейся колонией признали право на существование. До поры до времени, которое, увы, так и не пришло.

Попытки развалить теократию изнутри успехом не увенчались. В области контроля сознания фанатики, во имя своей веры не только использующие все последние достижения науки, но и развивающие ее, находились впереди остальной расы. Просто потому, что количество подопытных, как добровольных, так и не очень, никем не лимитировалось. Технологическая и экономическая блокада, запрещающая делиться с фанатиками новыми открытиями или вести с ними официальную торговлю, работала чуть лучше. Но за счет воровства патентов и слизывания готовых технических решений малиниты умудрялись не слишком сильно отставать от общей массы. А в ответ на ущемление своих прав убивать неверных и искоренять другие религии (равным образом как и их полное отсутствие) малиниты отвечали терактами и практически неприкрытым пиратством. А еще они всячески пытались влезть в информационные сети, где проповедовали свои идеалы и служили «крышей» для разного рода незаконных деятелей вроде торговцев наркотиками, рабами и оружием.

Совет Земли периодически бряцал оружием и требовал наказать виновных в том или ином злодеянии. Угрожал новыми санкциями. Церковники показательно казнили нескольких своих высокопоставленных товарищей, видимо проигравших в закулисной борьбе за

власть, не прекращающейся во внешне абсолютно пасторальной действительности их мира. А потом, спустя пару месяцев, следовал очередной громкий скандал, и все начиналось сначала.

– Не слышу радости в ваших голосах, вы, презренный прах под ногами истинно верующих! – начал изгаляться над безоружными уже другой десантник. – Ко мне! Ко мне, узревшие свет истины и жар очищающего пламени святого оружия!

Толпа, порядком измотанная и, видимо, вынужденная заниматься спасением своей жизни уже не первый час, продолжала жаться к тому месту, где стояла до того, не реагируя на вопли малинита. Или просто не понимая их. Сложной для восприятия речь религиозного фанатика делали динамики скафандра марки «Орион». Алекс Вей в свое время наслушался жалоб на данную фирму, заключившую контракт с флотом. Нет, броню, оружие и экзоскелетную систему они делали отлично, но вот их фильтры и устройства связи заставляли всех техников, работающих в зоне досягаемости простых солдат, скрежетать зубами. И проводить свободное время за ремонтом и отлаживанием засбоившего оборудования.

Устав ждать, когда на крики его товарища среагируют, малинит, рядом с которым сейчас толпились захваченные террористами заложники, от бедра выпустил расходящуюся широким веером очередь плазмомета. Если бы она не прошла над головами, то скосила бы не меньше половины безоружных и беззащитных людей, ломанувшихся в сторону от страшного пламени. Кроме града проклятий и просьб о пощаде в десантника прилетел камень, выпущенный каким-то совсем уж отчаявшимся типом. Понятное дело, метательный снаряд, даже попади он в самое уязвимое место десантного костюма – забрало гермошлема, вреда бы не принес. Но бульжник даже и до своей цели долететь не смог, шлепнулся у ног фанатика.

– Ах так! – вскипел истинный сын церкви пророка Малина, поджаривая одного за другим сразу троих безоружных людей. – Вы еще смеете проявлять непокорство, жалкие неверные?! Во имя Господа, я вобью в вас страх перед его верными слугами!

– Черт! – Распрямившись и выругавшись, Алекс постарался абстрагироваться от раздающихся снаружи воплей заживо сгорающих под ударами перегретой плазмы гражданских. Не то чтобы он был совсем уж бесчувственной скотиной... Но за время своей службы пилот видел и слышал много такого, что заставило бы обычного гражданского пиджака бухнуть в обморок и до конца жизни подсесть на транквилизаторы и антидепрессанты. Как назло, кроме разбитых терминалов и разбросанных то тут, то там бумаг, на глаза военному пилоту не попадалось ничего, что более или менее напоминало бы оружие. Не считать же таким несколько закатившихся в угол старомодных деревянных карандашей, хоть и отменно заточенных, но опасных только в ближнем бою. И то только против гражданских целей, не прикрытых даже колониальными бронекombineзонами минимального – нулевого – класса защиты.

Заворачивающий вправо коридор, открывшийся за второй дверью этой комнаты, вел, как это ни странно, не в кабинет местного начальника, а к вполне хорошо сохранившемуся, несмотря на некоторую захламленность и трещины на стенах, перекрестку. Две двери из трех были раскрыты нараспашку. И одна из них вела как раз туда, куда бывший военный сейчас очень мечтал попасть. В оружейную. Увы, в небольшой комнатке, кроме пустых стеллажей, не нашлось вообще ничего! Видимо, все уже успели выгрести защитники. Выгresti и, судя по тому ужасу, который творился снаружи, бесславно растратить. Ругающийся самыми последними словами пилот вернулся обратно и заглянул в соседнее помещение. Оно, вопреки ожиданиям, оказалось просторным. Очень просторным. Даже массивные тренажеры, занимающие около двадцати квадратных метров, на фоне таких масштабов как-то терялись.

– Спортзал, – мысленно констатировал Алекс, когда понял, куда именно попал. – Это я удачно зашел. Если строители не отклонялись от общепринятых стандартов, то под таким

большим помещением будет не менее большое. Например, бассейн или тир. А еще тут, где-то в уголке, есть раздевалка. И может быть, в ней даже найдется забытая вместе с табельным оружием форма.

Шкафчики для личных вещей бывший военный нашел, но, увы, ничего ценного, кроме чьих-то растоптанных и дырявых ботинок, оказавшихся слишком маленькими, так и не обнаружил. Еще поиски обогатили его несколькими тяжелыми гирями, в принципе при хорошем ударе способными убить. Вот только как оружие они проигрывали кулакам пилота за счет высокой скорости последних. Под конец попалась покрашенная под стену деревянная дверь, ведущая в кладовку с разнообразными мячами, кеглями, запчастями для тренажеров и теннисными ракетками. Пришлось Алексу с голыми руками вернуться обратно и попытаться проследовать по оставшемуся пути. Увы, но данная дорога также не особо благоприятствовала посторонним. Неприветливый и угрюмый серый лист композитной брони, несущий по центру замок для электронного ключа, упорно не желал открываться.

– Проклятье! – вспыхнул Алекс и в гневе стукнул по преграде, расшибив до крови поврежденную еще накануне руку. Свежесодранные болячки мучительно саднили. – Вот черт! Ладно, где-то вместе со спортивным инвентарем должна лежать аптечка... Стоп. Спортивным. А ведь это все-таки не военный, а, скорее, гражданский объект, ведь мы же на научной базе. Не могли ли местные придурки хранить карточки доступа к тире вместе с остальным инвентарем?!

Быстрый обыск подтвердил первоначальное предположение. В кладовке, в одном из ящиков стоящего в уголке стола, заполненного всяким мусором вроде квитанций и оберток от одноразовой еды, нашлась стопка потертых от частого использования пластинок электронных ключей. Обиженно пикнув замком, дверь откатилась в сторону, явив взору бывшего пилота длинную стрелковую галерею с виднеющимися вдали стойками кинетического щита, вероятнее всего, скрученного с какого-нибудь порезанного на металлолом штурмовика. Во всяком случае, линейные размеры этому соответствовали. Потертые пластиковые столы, отмечающие стрелковый рубеж, и притулившаяся в углу стойка с металлическими шкафчиками. В общем, ничего особенно интересного, кроме двери стандартного корабельного противодесантного шлюза, явно ведущей в оружейную комнату. И нагло поблескивающей голопанели, издевательски мигающей курсором предложения ввода пароля.

– Да что ж такое! – Возвращаться и искать где-то в полуразрушенном здании владельца пароля, желательно в живом и адекватном виде, не имелось ни времени, ни желания. Да и вероятность подобного чуда была неприлично мала.

Пожав плечами и отвернувшись от такой заманчивой, но в настоящий момент непроходимой двери, Алекс поудобнее обхватил прихваченную на всякий случай из кладовой пятикилограммовую гантель. И с хеканьем обрушил ее на один из кодовых механических замков, который должен был не допустить воришек к внутренностям личных шкафчиков.

В первой ячейке ничего, кроме несвежего, пахнущего потом и какими-то химикалиями полотенца, не было. Замок второй выдержал целых семь ударов, окончательно вмявшись в искореженную дверцу, и только тогда, жалобно хрупнув, рассыпался на горстку мелких деталек. Впрочем, его стойкость была частично оправдана – пластиковый пенал набора для чистки оружия и тактический ремень со стандартной, хотя и пустой магнитной кобурой хоть чего-то да стоили. Третья и четвертая ячейка шкафчика содержали только какой-то бытовой мусор в виде оберток от жвачек, мятых бланков на выдачу боеприпасов и даже одного пластикового ножа, видимо экспроприированного из местной столовой. А вот пятая ячейка оказалась настоящим кладом. Конечно, огнестрельного оружия там не обнаружилось, да и энергетического тоже, но в положении Алекса даже потертый чуть ли не до дыр и старый как сама жизнь тазер, до сих пор применяемый копами для ловли умеренно буйных правонарушителей, был чуть ли не манной небесной. Тем более что в свое время пилота зна-

комила с подобными игрушками военная полиция. К их удовольствию и к его сожалению. А уж какое феерическое воздействие разряд этого вполне невинно выглядящего пластикового пистолетика оказывает на оснащенное нейросетью и кучей имплантатов тело, Алекс не забудет никогда. И не пожелает пережить данные ощущения никому из своих знакомых.

Конструкция вроде бы простая до невозможности, но зато какой эффект! Рукоятка с размещенным в ней аккумулятором и преобразователем напряжения, картридж с расходными иглами и намотанными на них тонкими проводами, метательный состав. Дальность и точность, конечно, смехотворные. Зато силы воздействия разряда хватает, чтобы уложить любого бугая на пол лежать смиренненько минут тридцать-сорок. А нежное тельце обладателя старых, не защищенных от такой подлянки имплантатов этот выстрел вообще на недельку отправит в лазарет, в ласковые объятия матерящихся как сапожники медтехников и нейрохирургов.

Проведя пробный выстрел в мишень, расположенную у дальней стенки, Алекс остался доволен результатом.

И не слишком доволен цифрой «два», высветившейся в окошке счетчика боеприпасов. Где и как бывший владелец умудрился расстрелять тридцатизарядный картридж, выяснять теперь уже было поздно. Но как бы то ни было устройство работало и било достаточно метко. Жаль, не слишком далеко. Рабочая дистанция тазеров измерялась всего-то десятком метров... Во всяком случае, тех моделей, которые стояли на вооружении у обычной полиции, а не у каких-нибудь специальных отрядов.

– Лучше, чем ничего, но против десантной брони все равно маловато, – задумчиво покосился на обретенное оружие пилот и тяжело вздохнул. Стрельба никогда не входила в число его любимых дисциплин. Ну, если не из орудийных турелей корабля конечно же. Утешал лишь тот факт, что в случае близкого знакомства с плазменным зарядом смерть будет хоть и болезненной, но относительно быстрой. Это в космосе можно часами задыхаться и тщетно звать на помощь, когда твой истребитель выведут из строя. А бои на поверхности, как правило, для подвернувшегося под выстрел заканчиваются в течение нескольких секунд. Максимум – минуты или двух. И все же бывший военный с тоской покосился на запертую дверь, за которой наверняка лежали тренировочные, а значит, разболтанные донельзя и, возможно, давным-давно устаревшие, но исправно работающие стволы. – Эх, где бы найти резак, чтобы вскрыть эту железку. Хм. Вскрыть... Обездвижить и вскрыть! А ведь может сработать, если ловить гадов по одному. И ставить в нужную позу.

Идея, пришедшая на ум пилоту, вполне способному работать техником в большинстве существующих компаний, была то ли гениальной, то ли самоубийственной. Облачение десантника, больше заточенное для боя, чем для мирного ношения, а потому называемое «доспехами», а не «скафандром», в принципе не могло быть пробито нелетальным гражданским оружием. Но, как и во всех правилах, здесь имелись и исключения. Искусственные мускулы экзоскелета, если подвергнуть их серьезному удару током, на некоторое время отключались из-за перезагрузки управляющего компьютера и тестирования им своих цепей в поисках неполадок. А двигаться без технической поддержки в этой скорлупе ни один нормальный, да и не очень нормальный человек в принципе не был способен. Слишком уж жесткая и тяжелая одежда.

Вот только уязвимые для электричества детали надежно прикрывались броней, сорвать которую не стоило даже и пытаться – везде, кроме специальных гнезд для быстрого тестирования внутренностей боевого облачения. И защищенных едва ли не декоративной крышечкой, пробить которую сумеют даже иглы тазера. Если попасть туда, то десантник некоторое время сможет лишь грозно вращать глазами да грязно ругаться. Правда, имелся один нюанс.

Располагались сии условно уязвимые места там, куда так просто не дотянешься. Два в паховой области, два в подмышках и один за отстегивающимся противоосколочным воротником.

Распихав по карманам набор для чистки, Алекс поудобнее обхватил рукоятку тазера и двинулся в сторону лестниц, ведущих на верхние этажи. Вылезать наружу через их окна было не лучшим решением, но других альтернатив он пока не видел. Через несколько минут, посвященных в основном перелезанию через обрушившиеся перекрытия и завалы битого пластобетона, бывший пилот, а Вей до сих пор считал себя в первую очередь пилотом ВКС, добрался до второго этажа центрального крыла полицейского участка. И первое, что ему бросилось в глаза, – это живописно раскиданные куски тел, дополняющие абстрактные картины стенных панелей, перечеркнутых попаданием очередей, выпущенных из чего-то крупнокалиберного. Судя по состоянию тел и размерам украшающих стены дыр, стреляли из чего-то действительно крупного. Например, из двадцатимиллиметрового артавтомата, обычно устанавливаемого на задней турели «гроба». Осколочно-фугасные снаряды этого орудия, по воспоминаниям Алекса, творили с не оснащенными бронезащитой телами примерно такое же безобразие.

Внимательно вглядываясь в ошметки плоти и надеясь обнаружить что-нибудь полезное – например, фазер или на худой конец огнестрельную пукалку стандартного полицейского калибра в девять миллиметров, пилот аккуратно переступал ногами, стараясь не оставлять следов на запорошенных пылью и осколками, уже начинающих сворачиваться лужах крови.

– Если у этих гадов есть сканер – я покойник, – мысленно «подбодрил» себя Алекс, стараясь красться через помещение как можно незаметнее и тише. – Такой штукой незащищенного человека можно найти прямо сквозь стену. И через нее же пристрелить из армейской винтовки. Правда, взрыва не успею почувствовать, а значит, раньше времени переживать не стоит.

Наконец бывшему военному улыбнулась неожиданная удача в виде пролома в стене, ведущего наружу и позволяющего спуститься на улицу. И вроде рядом с ним даже никого из террористов не было. Осторожно выглянув, Алекс никого не заметил и задумался, что ему делать дальше. До соседнего здания, где можно было бы поискать союзников, добежать удалось бы не так уж и быстро. Их разделяла парковка, заполненная обломками наземного и воздушного транспорта. Кстати, среди останков, наверное, можно было бы поискать оружие, ведь несколько убитых совершенно точно ранее принадлежали полиции. Вот только находиться на открытом месте в условиях господства противника – если и не откровенное самоубийство, то, по крайней мере, очень глупый поступок.

Внезапно взгляд бывшего военного, выглядывающего в дыру, зацепился за весьма нехарактерный для этого места в обычных условиях объект, изволивший слегка пошевелиться. Громадная гротескная фигура, как будто не имевшая головы, слишком широкая и толстая для человека и потому изначально принятая Алексом за мусорный бак, находилась в тени раскидистого дерева и не бросалась в глаза. Даже обладавший далеко не маленьким опытом и не самыми плохими зрительными имплантатами военный далеко не сразу смог осознать, чего же он такое видит.

– Грузовой погрузчик, – наконец-то сумел понять Алекс. – Улучшенный какими-то умельцами-оружейниками, если можно так сказать про подобный выкидыш технической мысли. Но почему в такой позе? На коленях! Его подбили? Нет, тогда бы он не шевелился, да и оружие забрали бы. Или... Ну да, конечно! Тот, кто сидит внутри, молится! Не знаю, где у этой модели гнездо для тестера, но лучшего шанса быть не может!

Глава 2

Бывший пилот медленно, стараясь не шуметь, начал спускаться по полуразрушенной стене, вздрагивая всякий раз, когда под его ногами хрустел осыпавшийся пластобетон. Однако поверхности Алекс все-таки достиг живым, а не хорошо прожаренным. И сразу же принялся подкрадываться к замершему исполину, с каждым шагом различая все больше и больше подробностей. Две колонноподобные ноги, сгибающиеся в обратную сторону и обутые в некое подобие бронированных сапог, сейчас замерли на земле, упираясь в поверхность открытыми коленными чашечками, так и просившими выстрелить в уязвимые сервомоторы. Выше них начиналось нечто вроде защитных шорт, явно являющихся навесным элементом брони. Квадратный торс машины, внутри которой и находился пилот, с ближайшей к Алексу стороны покрывали наваренные в несколько слоев щитки, вынутые, очевидно, из какой-то другой техники, что создавало эффект чешуи.

Кабина, тоже наверняка не оставленная без внимания измывавшимися над мирным трудягой техниками-сектантами, сильно выдавалась вперед. Длинные гибкие пятипалые руки механизма, предназначенного для перетаскивания грузов внутри тесных трюмов космических кораблей, так и не подверглись никаким модификациям. Видимо, чтобы не снизить их подвижность. Сейчас ладони были сложены на уровне груди, хотя, вероятно, могли свободно крутиться вокруг своей оси. К кисти одной из них сложной системой магнитных креплений было прицеплено фугасное орудие, несомненно только недавно снятое с десантной капсулы. Косвенным доказательством последнего служил тот факт, что патронный короб, соединенный с ним лентой, не был прикреплен к телу механизма, а просто лежал на земле и, видимо, в случае перемещений брался в свободную конечность.

– Прости меня, великий Малин, ибо я грешен! – Алексу, которому осталось сделать последние шаги до своей цели, удалось расслышать бормотание сидящего внутри фанатика, очевидно забывшего отключить внешние динамики. – Я позволил своему брату развлечься со смазливой неверной, перед тем как предать ее очищающему огню, забыв о подлости их богомерзкого племени. Прости меня, о великий, прости! Я виноват! Я каюсь! Я должен был следить за ее руками и не упустить тот миг, когда она нащупала среди вороха своих развратных тряпок нож и воткнула его в глаз не ожидающему такого вероломства Аламу! Он был твоим доблестным слугой, но отправился к тебе раньше, чем смог завоевать славу и доблесть в святом походе против неверных. Прости! Я искуплю свой грех, о великий! Две дюжины сосудов скверны, обещаю тебе уничтожить их раньше, чем они совратят своими греховными телами...

Тазер против такого врага казался игрушкой. Да он в принципе и был ей, поскольку разрушить или даже поцарапать столь массивный объект не мог. Вот только гражданскую технику, обладающую экзоскелетом, терзают те же болячки, что и военную. Но никто ее специально не бронирует, а умельцы, занимавшиеся переделкой, очевидно, схалтурили. Или не нашли приемлемого решения в поставленные перед ними сроки. Открытые суставы, внутри которых просто обязаны были находиться связанные с общей системой механизмы, так и провоцировали выстрелить. Главное, не промахнуться, попасть в нужные детали, ибо если погрузчик развернется, то человеку, чтобы получить фатальные повреждения, хватит даже не выстрела, а удара, нанесенного громадным пятипалым манипулятором.

И если уж что-то во всем этом хоть чуточку радовало, так это то, что вероятность установки на этот импровизированный объект более или менее нормального войскового тактического комплекса контроля окружающей среды была минимальной. Так как на поверхности погрузчика ни фазированных антенных решеток тактического комплекса, ни панелей акустических датчиков не наблюдалось, Алекс немного повысил для себя вероятность спа-

сения собственной шкуры в противостоянии с этой бронированной громадой. Скорее всего, камеры кругового обзора и датчики движения на погрузчике присутствовали, да только гражданской модели. При виде приближающегося к технике объекта сигналов тревоги они не подадут, так как обычно работают в качестве противоугонки, да и то включаются лишь на стоянке. Прикинув шансы и глубоко вдохнув для храбрости, Алекс, никогда, кстати, не понимавший бравоирования и показной храбрости перевозимых в чреве своего «гроба» десантников, медленно заскользил в сторону склонившегося в молитвенной позе погрузчика.

Рука навела тазер на цель, туда, где под пластиком суставов, предохраняющим только от неблагоприятных условий внешней среды, таились уязвимые для тока узлы. В принципе в устройстве имелась функция синхронизации прицела со зрением его текущего владельца. Посредством имплантатов, разумеется. Но Алексу просто лень было ее настраивать. А его улучшенные военными врачами глаза, предназначенные вообще-то для пилотирования в экстремальных условиях космического боя, с такой простой задачей, как проведение прямой линии между стволом и целью, не справиться не могли.

Щелкнул спустившийся без особого усилия курок, с негромким звуком отправив в полет дротики с разматывающимися за ними хвостами проводов. Один, два, три, четыре, пять. Ни одного не соскользнуло, видимо, использованный при производстве погрузчика пластик обладал крайне низкими броневыми характеристиками. Или же бывшему военному попала в руки усиленная модель, предназначенная для отлова демонстрантов, любящих перед столкновением с полицией соорудить себе импровизированную броню из всякого хлама. Грузная фигура лишь вздрогнула пару раз с надсадным скрипом, да так и застыла до тех пор, пока компьютерная оболочка машины не перезагрузится.

– Ту будишь малить миня о пасчаде, неверный! – От волнения террорист, бьющийся внутри кабины как рыба на берегу, но не способный вытащить конечности из обволакивающих перчаток, сейчас застывших и сцепленных, сбился на свой родной диалект. За века почти полной изоляции говор малинитов стал изрядно отличаться от привычной уху бывшего пилота речи, но все равно оставался достаточно понятным. – Чито ты натварил?!

– Убил тебя. – Руки, которым не привыкать было возиться с техникой, отщелкнули замок прикрывающего оператора купола и отвели преграду в сторону. Наконец-то Алекс смог взглянуть на своего врага. Им оказался сухощавый темноволосый мужчина лет тридцати на вид, с не бритой дня три щетиной, но бывшего военного его внешность заботила в последнюю очередь. Ствольная насадка тазера со всего размаху вонзилась в глаз террориста, вызвав жуткий вопль боли. А потом, стараясь не слушать издаваемые религиозным фанатиком звуки, бывший военный включил внешний разрядник. И принялся давить изо всей силы, стараясь как можно ближе пропихнуть торчащие электроды прямо в мозг или в то, что его заменяет этим чокнутым фанатикам.

Дергающееся в судорогах тело и характерный запах опорожненного кишечника моментально доказали бывшему пилоту, что между суровой действительностью и стерильным знанием армейских баз по самообороне и стрелковому оружию имеется очень большая разница. Одно дело знать о последствиях тычка тазером в глаз, но совсем другое – ощущать сладковатый запах прожаренной электрическими разрядами органики и видеть искаженное судорогами лицо с отбивающей чечетку челюстью и шапку пены на мигмом посиневших губах. В общем, с чистой, чуть ли не хирургической работой лазерного луча или раздающимся где-то в паре сотен километров хлопком сработавшей боеголовки противокорабельной ракеты это было несравнимо. Алекс конечно же не трясся испуганным зайчиком. За годы более чем насыщенной службы в ВКС ему не раз доводилось убивать. Но вот так, накоротке, практически ощущая дыхание и миазмы все еще содрогающегося тела, он лишил врага жизни впервые.

– Грязная это работа – ближний бой, – вздохнул бывший военный, на всякий случай делая контрольный удар кулаком по гортани. Хрупкую и уязвимую шею в армии часто защищали имплантатами, но, кажется, конкретно этого малинита его начальство ценило не сильно. – Снайперскую винтовку мне. А лучше отряд боевых дронов с самонаведением.

Выпустив из ладони рукоять тазера, Алекс перевел взгляд на собственные пальцы, покрывшиеся склизкой смесью из слюны, крови и еще какой-то дряни. А после одним слитным движением отвернулся от раскрытого зева капсулы оператора и затрясся в выворачивающем внутренности приступе рвоты. По мнению бывшего пилота, коктейль из смеси тактильных ощущений, зрительных образов и запахов дерьма, мочи, немытого тела и спекшегося содержимого глазной впадины получился просто омерзительным. Даже запеченный плазмой в собственном скафандре десантник, которого он как-то помогал затаскивать внутрь своего гарантированного гроба с крылышками, производил лучшее впечатление.

– Вот же ж... – Алекс с некоторым трудом унял бунтующий желудок и растерянно поглядел по сторонам, будто в поиске кого-то, кто может прийти на помощь. Никого, к его счастью, не было. – Фу-у... Чем же ты так пообедал перед десантированием? Воняет так, словно протухло еще до того, как попало внутрь тебя. Но внутрь лезть все равно придется, добрым словом и многостволкой авиационного калибра можно сделать куда больше, чем просто добрым словом. Вроде даже ваши святые отцы как-то так говорят.

Тяжелое дурнопахнущее тело удалось вытащить из мертвой хватки синтетических мускулов сразу же, как только системы переделанного под боевую машину грузчика включились. Вот, правда, с предыдущего оператора на дно кабины уже успело порядочно натечь. Морщась от отвращения, бывший военный содрал со своей жертвы куртку и, предварительно охлопав ее карманы в поисках интересных вещей, которые сложил рядышком, вытер мерзкую жижу. А потом подумал, снял с покойника рубашку и повторил процедуру, отчаянно жалея об отсутствии на нем еще и майки. Трофеи с террориста, среди которых завалились дешевый лазерный пистолет с запасной обоймой, расческа, упаковка каких-то таблеток и кошелек с пригоршней мелочи, он сложил в предназначенный для хранения обеда отсек, заодно порадовавшись найденному там армейскому рациону длительного хранения.

Наконец, сделав вид, будто удовлетворен чистотой своего рабочего места, бывший пилот запрыгнул в кабину и защелкнул за собой бронированную панель. На ней мгновенно начал отображаться окружающий вид или его часть, попавшая под обзорные камеры. Последние обеспечивали, увы, совсем не круговой обзор, а лишь узкий сектор видимости градусов примерно в сто двадцать. Конечно, оставались шансы, что какой-нибудь расторопный малинит повторит с ним тот же фокус и просто прикончит запертого в ловушку оператора, чье транспортное средство и шелохнуться не успеет... Но вероятность нарваться на гранату, небольшую управляемую ракету или хотя бы небрежный выстрел из пары-тройки плазменных винтовок была все-таки больше.

– Евалим, ты хде? – надрывалась связь. – Ответь, самка собаки! Твои пятнадцать минут на молитву уже истекли!

– И кто же у нас? И где же он у нас? – начал бормотать Алекс, предварительно отключив внутренние динамики и сиюсь извлечь из компьютера своего транспортного средства карту. – Опа! А где это мы?

Ответ на этот вопрос являлся примером очень странной головоломки. Во-первых, сигналы навигационных спутников отсутствовали как класс. Во-вторых, аппаратура погрузчика, так же как и его собственные киберимплантаты, не обнаруживала никаких следов планетарной информационной сети. Да что там следов, даже сигналов базовых станций во всем доступном оборудованию диапазоне не наблюдалось. Конечно, маломощные радиопередатчики тактического звена, которыми обычно вооружают колониальную милицию и

силы самообороны, в эфире присутствовали, да только в динамиках раздавалась лишь уже ставшая привычной искаженная речь сектантов.

Судя по всему, делишки у защитников базы очень плохи. Соппротивления как такового просто не было, об этом Алекс начал догадываться уже в полицейском участке. Но только сейчас все кусочки картинki сошлись в его голове. Нет, героем он никогда не был и никогда не лез на рожон в том случае, если имелась возможность избежать возможного конфликта. Логично было бы спрятаться и переждать, когда подтянувшиеся с орбитальных крепостей и наземных гарнизонов десантные отряды и полицейский спецназ зачистят весь этот гадючник. Но то ли чувство собственного достоинства, то ли увиденное ранее во дворе и какие-то странные непонятки в окружающем мире не давали бывшему пилоту забиться в безопасную норку. Тем более что подправленная грубыми штрихами карта базы, отображенная на внутренней панели погрузчика, очень уж сильно отличалась от ранее виденного плана города. Алекс не знал, что имел в виду неизвестный и явно непрофессиональный картограф под обширными областями, покрытыми грубой штриховкой, но некоторые значки и корявые надписи не оставляли особого простора для воображения. Рога биологической опасности, цветки радиационной угрозы и обведенные неровными извилистыми линиями области с надписями «неверное мясо», «могильник», «загоны».

Заковыристо выругавшись, пилот защелкал переключателями погрузчика, проверяя его состояние. Машинка была, конечно, мощной. Способной переносить в ухватистых манипуляторах до тонны груза. Но при этом она оставалась древней, как сама жизнь. Ни о каком прямом подключении к нейросети и интуитивном интерфейсе разговор даже не шел. Поскрипывающие рукава конечностей, индикаторные панели со старинного вида механическими переключателями – и никаких сенсорных панелей. Казалось, конструктор этого технического уродца сделал все возможное, чтобы в узкой капсуле оператора можно было безо всякой предосторожности размахивать чем-нибудь тяжелым и обливать стены синтетическим пивом. Если бы не дешевый влажно-липкий резинопласт креплений, все еще тянущий душком бывшего владельца, и неудобное расположение обзорного экрана, явно рассчитанное на гренадерский рост уже мертвого сектанта, то машинка Алексу даже могла бы понравиться. Веяло от нее какой-то топорной надежностью, свойственной некоторым массивным старинным конструкциям.

Заряда батарей погрузчика оставалось целых сорок два процента, что, в общем, ничего не говорило никогда не имевшему дел с наземной техникой пилоту. Тем более что и панель управления ни в какую не соглашалась отвечать на вопросы о численном значении емкости батарей. Ну или хотя бы об остаточном времени их работы.

Дальнейшие копания прервал звук, принятый сначала внешними динамиками машины, а потом и находящимся внутри ее кабины человеком. Где-то рядом кто-то стрелял. Громко. Под несмолкающий вой и плач убиваемых людей, в последние моменты своей жизни не собирающихся соблюдать тишину под дулами изрыгающих смерть стволов.

– Кажется, армия в ближайшее время на помощь не придет, – вздохнул Алекс, напрягаясь и заставляя свое транспортное средство разогнуться и выйти из коленопреклоненной позы. – М-да. Во внешних мирах их головотяпство еще можно было оправдать какими-нибудь объективными обстоятельствами, но на Земле...

Оказалось, что прицепленное на руку орудие все же соединено с погрузчиком довольно профессионально. Пилот мгновенно нашел знакомое перекрестье прицела и ареал возможного разлета осколков, где цветом выделялись зоны, имеющие разную вероятность поражения. А после кровожадно улыбнулся. Просто складывать лапки перед десантом свихнувшихся на почве религиозного пыла идиотов он не собирался. Как и смотреть на творимые ими зверства. И не только потому, что не был законченным моральным уродом, но и из-за более чем солидных бонусов, выдаваемых от имени Совета Земли всем, кто оперативно

и разумно действовал в любой чрезвычайной ситуации, спасая жизни людей и их имущество. А сейчас вокруг была именно она – чрезвычайная ситуация. Причем далеко не рядовая. Насколько бывший военный помнил, награда за одного уничтоженного во время боевых действий террориста примерно соответствовала его двухмесячному заработку. Не так уж много, учитывая, что вред, который в состоянии причинить не ценящий собственную жизнь человек, если у него достаточно оружия и взрывчатки, может оказаться огромным.

Погрузчик затопал по направлению к шуму и, завернув за угол, прошел мимо того места, где четверо малинитов гоняли плазменными винтовками толпу. Никого живого тут уже не было, только страшно обугленные трупы землян. Но тревожные звуки определенно приблизились.

Навстречудвигающемуся вперед Алексу из дверей соседнего с полицейским участком здания вышло двое десантников, один из которых поднял руку, привлекая внимание собрата и, видно, пытаясь выйти с ним на связь. Взрыв осколочного снаряда, разорвавшегося между ними, оставил от обоих хоть и довольно крупные, но все-таки куски, примерно в равных пропорциях состоящие из перекрученного железа и плоти. Калибр установленного орудия явно оказался чересчур велик для точных действий, а потому, если бывший военный столкнется с врагами и их жертвами одновременно, ему придется либо наплевать на жизни сограждан, либо начать импровизировать.

Передвижение переоборудованного погрузчика никак нельзя было назвать бесшумным, даже наоборот – гул перегруженных броней гидроприводов оказался довольно значительным. Да и буханье голеностопов по разбитому пластобетону ощущалось даже не барабанной перепонкой, а подошвами ног! Мечта тихо подкрасться накрылась медным тазом после первого же шага. Старинная докосмическая поговорка гласила: в случае отсутствия гербовой иногда приходится писать и на простой. Что это в точности означало, знали максимум несколько сотен разумных, свихнувшихся на древней истории, но общий смысл народной мудрости был в этот момент как никогда близок Алексу.

Не обращая внимания на громкие звуки и крошащееся под ногами покрытие коридора, он, как какой-то древний рыцарь в лабиринтах захватываемой крепости, целеустремленно двигался по направлению к стреляющим. Несколько полутемных коридоров, один разрушенный зал с чуть ли не полностью обвалившейся крышей, и перед глазами пилота открылся замечательный вид на полуподземный ангар, видимо использовавшийся копами в качестве штрафстоянки. Ну а теперь он использовался сектантами в качестве то ли бойни, то ли импровизированного центра для киберимплантации. Во всяком случае, об этом говорили многочисленные сваленные в противоположном углу изуродованные тела и темные потеки крови, украшающие, казалось, даже потолок. Не говоря уже о горизонтальных и вертикальных участках видимых поверхностей, где найти чистый квадратный метр представлялось сложнее, чем совесть у политика.

Сбившаяся в стадо толпа невооруженных гражданских охранялась обряженными в комбинезоны колониальных войск хмырями, по своей наружности больше смахивающими на жителей планеты-тюрьмы или пассажиров каторжного корабля. Во всяком случае, стрелять в безоружных людей никакие вредные атавизмы вроде морали и совести им не мешали. С идентификацией целей у замешкавшегося на пару секунд Алекса вообще не возникло никаких проблем, так как именно в этот момент, затянув какую-то заунывную молитву, через слово прославляющую главаря идиотской секты, террористы принялись ударами прикладов и выпущенными поверх голов импульсами плазменных винтовок отделять от толпы еще одну партию для конвоирования к вольготно раскинувшегося посередине ангара робохирургу из состава мобильного флотского эвакогоспиталя. Уж маркировку регулярно применяемой ВКС техники бывший пилот и без всякой нейросети вспомнил после первого же взгляда на развернутый в рабочее положение объект. Люди, которые близко познакомились

с автодоктором, лежали двумя разными кучками. В одной друг на друге беспорядочно громоздились трупы тех, кто не выдержал операции, в другую же малиниты более-менее ровными рядами, как патроны в обойме, складывали достаточно выносливых «счастливчиков».

Творящийся в гараже кошмар был понятен Алексу без слов. На его глазах происходила массовая обработка сознания. Верность идеалам сектантов достигалась незатейливо и просто, как все самое мерзкое во вселенной. Базовая нейросеть пленника частично извлекалась из головы, и прямо в нее имплантировали так называемый «рабский модуль». Проще говоря, генератор болевых импульсов и импульсов удовольствия, до кучи приправленный синтезатором каких-то там гормонов. Чередование и сочетание жутчайшей агонии с чистым блаженством и снижающей критичность мышления химией автоматически вело к серьезному подавлению личности в рекордно короткие сроки. В общем, сектанты делали все для того, чтобы побыстрее сотворить из обычного гражданского мяса толпу покорных их командам безумцев. Как боевые единицы они ценились крайне слабо, зато в качестве живого щита от сил правопорядка работали великолепно. Малинитам даже полное извлечение нейросети не требовалось – достаточно было изъятия и замены одного участка важнейшего имплантата любого современного человека на самодельный эрзац. А с уже сформированными периферийными каналами в головах жертв ужасная закладка будет работать на ять.

– Только бы эти сволочи наркоза на своих рабов не пожалели! – мысленно помолился непонятно кому, но уж точно не Богу малинитов Алекс, наводя оружие на цель. – А то если они кинутся, как их остановить-то?

Несмотря на уже устраненных фанатиков, по их каналам связи еще не спешили играть тревогу. А потому погрузчик, когда он только появился в подземном гараже, встретили не огнем, а удивленными взглядами, ответом на которые спустя несколько секунд послужили шесть снарядов, один за другим в ураганном темпе вылетевшие из дула и накрывшие наиболее плотные скопления противника, находящиеся вдалеке от заложников. И все равно несколько особо неудачных осколков по законам подлости и больших чисел врезались в плотную толпу людей, наворотили изрядных дел и убили на месте то ли четверых, то ли пятерых. В ушах бывшего военного даже мелькнули на какой-то миг фантомные отзвуки обвинительного приговора.

Возможно, а вернее, даже наверняка фанатики были далеко не самыми умными и сообразительными людьми. Критичность их мышления, равно как и свобода воли, искусственно подавлялась у низших слоев общества с победившей религиозной диктатурой, располагающей довольно неплохими средствами контроля над личностью. Однако сражаться они все же умели. Полтора десятка плазменных винтовок извергли из себя свое содержимое, и лицевая броня погрузчика зашипела, приняв на себя их ярость. Однако Алекс, уже простившийся с жизнью, с удивлением обнаружил, что его машина выдержала. Похоже, грубая обшивка погрузчика была сделана из какого-то высокотехнологичного и невероятно стойкого к температурному воздействию материала явно военного назначения, который малиниты где-то сперли. В кабине из-за скачка поднявшейся температуры отчетливо завоняло жженым пластиком. Однако на такие мелочи можно было почти не обращать внимания.

– Кхе, – подавился сразу ставшим абсолютно непригодным для дыхания воздухом бывший пилот, внутренне радуясь, что ни один из выстрелов не попал по уязвимым коленям, и его транспортное средство сохранило хоть какие-то способности к маневрированию. Новая очередь, на сей раз всего из трех снарядов, прошла вроде бы в стороне от малинитов. Но разлетающиеся в разные стороны осколки умудрились достать еще трех или четырех из них, поскольку террористы хоть и попадали на пол, но укрыться в лишенном техники гараже им оказалось банально негде. Еще парочку поклонников Малина, находящуюся ближе всего к своим жертвам, смяли побежавшие в панике к выходу люди, несмотря на то что плазменные очереди внесли в их ряды настоящее опустошение.

– Да куда ж вы лезете под самые ноги! – в ужасе заорал Алекс, прекращая шагать с места на место, чтобы просто не подавить паникующих гражданских, и тем самым собирая на свою броню еще больше выстрелов. Увы, крик души бывшего летчика никто не услышал, так как включить внешние динамики он попросту забыл. Внезапно кабина над его головой содрогнулась, и на ней осталась заметная вогнутость, едва не доставшая до макушки водителя.

– Сверху! – завопил самому себе отставной военный, забыв на секунду, что он уже не летает по атмосфере чужих планет в составе звена точно таких же неудачников. Бывший пилот попытался развернуться так, чтобы нащупать орудиями, вернее, всего одним имеющимся орудием, атаковавший его истребитель. И это ему даже удалось. Под невысоким потолком стремительно перемещался, стараясь зайти во фланг, некто, облаченный в новейший костюм десанта. Данная модель помимо всего прочего могла похвастаться миниатюрными антигравитационными двигателями. Вероятно, это был командир всего того непотребства, которое здесь творилось. В руках он сжимал длинный вытянутый ствол с небольшим прикладом, узнать который у Алекса не получилось. Но, судя по тому, как отреагировал на прямое попадание из него обвешанный броней погрузчик, вещь была как минимум неплохая. Пожалуй, окажется что-нибудь стандартное армейское с поднятой кверху кабиной на месте переделанного складского труженика, рассчитанного еще при проектировании на перенесение на широких упрочненных плечах разной пакости, в том числе очень тяжелых грузовых контейнеров, – один-единственный выстрел мог бы оказаться фатальным.

Отчаянно маневрирующий под потолком малинит не задумывался о том, что благодаря своим перемещениям он удаляется от выбегающих из подвала гражданских, вероятно, просто не принимал их во внимание. А потому вражеский командир стал достаточно завлекательной и безопасной целью. Его меткие выстрелы, к счастью являющиеся не слишком частыми, заставляли погрузчик содрогаться и выводить перед лицом пилота сообщения о повреждениях, изрядно мешавшие тому ловить врага в перекрестье орудия. Первые три взрыва изрядно огорчили Алекса тем, что у фанатика помимо устройства для полетов имелся и силовой щит. Но после четвертого его запасы энергии, идущей и на отражение осколков, и на преодоление гравитации, истощились. Алекс не смог удержаться от торжествующей улыбки, когда мерзавец наконец рухнул вниз, словно камень.

С некоторым трудом разворачивая протестующе скрипящие механизмы обратно к земле, бывший военный увидел, что он уже не так одинок в своих попытках обуздать творящийся вокруг беспредел. Несколько человек, залегших среди тел тех, кто не пережил имплантацию, и тех, кто все же выжил, но сейчас находился без сознания, метали гранаты по террористам. Очевидно, оружие они взяли на трупах сектантов, попавших под первые выстрелы Алекса. Враги оказались зажаты между двух огней. Малиниты сражались отчаянно, но, будучи вынужденными драться на два фронта, победить теперь уже вряд ли могли.

Несколько очередей из орудия погрузчика и одна крайне удачно взорвавшаяся плазменная граната, брошенная прямо под ноги сгрудившимся за каким-то перевернутым боксом сектантам, – и все было кончено. Только вот зрелище окружающего кошмара Алекса ну никак не радовало. На ногах из более-менее боеспособных пленников-террористов осталось буквально несколько человек. Судя по ошметкам комбинезонов и формы, в основном из обслуживающего состава космодромного персонала и планетарной полиции. Еще человек десять штатских находились в шоке и никак не реагировали на окружающее.

– Кто мне подскажет, что тут за дурдом творится? – откинув бронеклопак кабины, пилот обратился к людям, шатающимся от побоев, но уверенно сжимающим моментально разобранным оружием террористов.

Человека, управляющего машиной, только что раскрошившей в фарш пару десятков виновников происходящего и несколько случайно попавших под огонь невинных жертв, про-

сто проигнорировали. Одни люди бросились осматривать своих раненых, подающих признаки жизни, или добывать чужих, также, возможно, еще не отправившихся к праотцам. Другие, сбившись в кучу, затеяли жаркий спор о том, где и как им можно будет взломать чипы плазменных винтовок, препятствующих открыванию огня из них первым попавшимся лицам. Третьи, после того как непосредственная опасность исчезла, впали в апатию или истерику. В общем, до бывшего пилота дела не было никому, и потому он, проверив счетчик боеприпасов и убедившись в наличии еще аж семи десятков снарядов, потратил один и разнес дальний угол помещения. Учитывая, что его транспортное средство уже лишилось изрядной части навесной брони, просто стекшей после попадания в нее плазмы, да и двигалось теперь с ощутимым трудом, оставшиеся он расстрелять вряд ли успеет.

– Повторяю вопрос! – прорычал Алекс, для надежности еще и динамики включив на полную катушку. – Кто мне подскажет, что тут за дурдом творится?

– Откуда ты вылез? – разорвал наступившую тишину чей-то голос. – И где, черт возьми, был предыдущие два часа?!

– С гауптвахты, – не стал скрывать Алекс. – Меня там присыпало слегка, очнулся буквально несколько минут назад.

– Это какой-то кошмар! – простонала единственная на всю компанию женщина в практически целом мундире лейтенанта полиции. Впрочем, за его едва ли не идеальное состояние и ее хорошее в целом самочувствие, скорее всего, нес ответственность возраст данной леди. Паутина морщин на лице и абсолютно седые волосы показывали, что она уже довольно стара, быть может, даже старше двухсот. И, если бы не регулярные медицинские процедуры и действие имплантатов, снижающих нагрузку на изношенные органы, давно лежала бы в могиле. – Сети нет, ни всеобщей гражданской, ни специальной, для экстренных случаев и спецслужб! Связи тоже нет, даже военной второго уровня приоритета, которая по идее должна быть целой до тех пор, пока нашу планету не разнесут на кусочки! А эти свихнувшиеся малиниты режут всех подряд и орут о божественном вмешательстве, которое, если судить по отсутствию сил правопорядка, действительно было! Было! Было!

Алекс в задумчивости почесал изуродованные плечи погрузчика орудием, едва не вырвав его из магнитных захватов. Нет, то, что он забыл о факте нахождения собственной персоны внутри техники, это ладно, но вот вмешательство высших сил... О контрмерах против него в учебке не рассказывали.

– Не надо городить ерунды, – раздался вдруг чей-то слабый, но очень злой голос. – Все имеет рациональное объяснение. Или вы забыли, почему наша база вдруг стала одним из важнейших мест на всей планете?

Обряженный в ошметки лабораторного халата обладатель великолепного бланша вполлица с большим трудом фокусировал глаза на собеседнике. Но, несмотря на слипшиеся от крови волосы и общий бледный вид, держался на ногах вполне устойчиво. Хоть и с небольшой помощью импровизированного костыля, сооруженного из какой-то выломанной стойки неизвестного прибора.

– Позвольте представиться – младший научный сотрудник института физики пространства «Амаласунты», Смит. Вячеслав Смит. – Немного пошатнувшись, лабораторная мышь, на первый взгляд выглядевшая старой и изможденной, но при ближайшем рассмотрении оказавшаяся крепким, пусть и немного тучным мужчиной, едва разменявшим третий десяток лет, продолжила свою речь: – Вы знаете, чем мы тут занимались, Совет Земли эту информацию не скрывал. Да, по всем расчетам, и нашим, и проведенным специалистами визетов, подаривших нам эту технологию, портал, который должен был открыться сегодня, в диаметре не превысил бы десяти метров. Но ведь атакующим кораблем был нанесен удар по главному куполу, и можно лишь догадываться, что и как там нарушило работу оборудования, часть которого человечеством пока принципиально не производится...

– Проф, вы мне только на пальцах покажите, где все спутники и почему на орбите пусто? И вокруг никаких радиосигналов? – Алекс и так не отличался особым терпением, а уж в текущих условиях планка недавнего сидельца гауптвахты медленно, но верно принялась съезжать в сторону неконтролируемой агрессии. – И что тут делают эти уроды?

– Парень, к моему сожалению, в физике пространства-времени я понимаю намного меньше, чем ты в этих своих пукалках. – Жест ученого – хотя какого к чертям ученого? Лаборанта! – в общем, его взмах в сторону все еще дымящегося ствола орудия погрузчика был очень далек от вежливого. Таким образом обычно инфантильные блондинки указывают пальчиком на обнаруженную на лужайке загородного дома жабу. – Специалистов по данной области среди командированных на Землю представителей инопланетян было шесть. А из всей расы людей в ней с грехом пополам разобралось только двое, у которых весь остальной институт был на подхвате! У меня, конечно, есть несколько теорий, но самая достоверная на текущий момент заключается в том, что эти уроды повредили нашу установку, и вспышка хроноклазма...

Чему Алекс научился во время войсковой учебы, так это стойко переносить побои и идеально копировать сержанта, который втапывал бессчетное количество молодых салаг в пыльное покрытие плаца одним только взглядом и презрительным цыканьем. Каким именно образом у немолодого сержанта получалось, всего лишь втягивая воздух сквозь презрительно сжатые губы, заставлять новобранцев покрываться крупными мурашками и чуть ли не обдываться в присутствии начальства – история и современная наука умалчивали. Только большинство ученичков хоть на каком-то уровне, но подхватывали этот вгоняющий окружающих в оцепенение прием. Вот и в этот раз воздействие на чрезмерно раздухарившегося ученого было своевременным и даже немного чрезмерным. Бедолага вздрогнул, побледнел и рефлекторно отступил на шаг, втянув голову в плечи. Видимо, до яйцеголового все же дошло, в каких условиях он тут устраивает научный брифинг и что творится на основной территории базы. Поэтому новая фраза прервавшего свою речь профа была суха и лаконична.

– Мы в другом измерении. Провалились туда, когда работу установки нарушил обстрел. Всем городом. Или, точнее, маленькой его частью, поскольку малиниты, как ни старались, не смогли обнаружить ничего, кроме раскиданной по каким-то чертовым горам пары кварталов.

– Е-е-е! – протянул Алекс, и не подозревавший в себе до этого момента таких вокальных данных. Иначе бы пошел он в детстве не в космофлот, а в оперу. – Эм... Слушай, а это точно?

Его нестройным гулом поддержали остальные люди, те, кто сейчас мог уделить достаточно внимания чему-то, кроме себя и раскиданных тут и там трупов.

– Орбита, чистая от спутников, иначе хоть какая-нибудь связь была бы, – начал загибать пальцы ученый. – Корабль с малинитами, как и силы самообороны, обязанный если не спасти нас, то хотя бы прибить их, пропал, будто и не было. Климат поменялся, если вы не заметили, сейчас намного прохладнее, чем было утром, градусов на пятнадцать. И кстати, солнце уже должно было клониться к закату, так как сейчас по моим часам шесть вечера. Но, судя по его положению на небосводе, в данном месте едва-едва наступил полдень. И наконец самое главное. Рельеф местности не тот. Я бы хотел надеяться на то, что беда случилась не с нами, а с Землей. К примеру, крупномасштабное вторжение с очень-очень тщательной диверсионной подготовкой, в результате которого свободных армейских подразделений нет, часть базы расплыли, а про выживший персонал «Амаласунты» и террористов просто позабыли. Такое развитие событий действительно могло привести к подобным результатам. Но кто и как с прошедшего обеда сумел бы насыпать чертовы горы, посреди которых мы все находимся?!

Алекс Вей припомнил пейзаж, наблюдавшийся из недр погрузчика во время прогулки по городу, сравнил его с более ранними воспоминаниями и неожиданно для себя помянул древнекитайских демонов, о которых ему в детстве бабушка сказки на ночь рассказывала. После чего обвел взглядом столпившихся и жестким командным голосом озвучил:

– Заканчиваем жевать сопли! Другой мир, значит, другой мир! Но бардак, что творится сейчас, надо прекратить! Всем с наличием оружейных баз и навыков контактного боя вооружиться и подготовиться. Если есть медперсонал, необходимо привести раненых в более или менее нормальное состояние!

Голос обряженного в металл голема, скрывающего внутри себя податливую человеческую плоть, оказал на сгрудившихся и потерянных людей буквально магическое воздействие. Забегали и засуетились даже вроде бы совершенно выпавшие из окружающей действительности индивиды.

Лейтенант полиции Ида Замволт оказалась, к удивлению бывшего пилота, неплохим специалистом по всему стреляющему и обладателем чуть ли не экспертной квалификации в пехотном оружии. Это позволило с небольшой помощью ненадолго выбравшегося из все еще подванивающего погрузчика Алекса и найденных в ЗИПе кибердоктора инструментов более или менее аккуратно вытащить из плазменных пехотных винтовок блоки идентификации пользователей. К сожалению, при этом пострадали разъемы малых тактических комплексов и прицельных приспособлений, но вдоль ствола целиться можно было. Причем, по меткому высказыванию одного из космодромных техников, оттрубившему пятерку стандартного армейского контракта в планетарных войсках, в условиях городского боя так получилось даже лучше.

– Блин, да из-за этих красивых картинок столько братвы поперекоцали! – Непередаваемый говор городского дна, из выходцев которого в основном и вербовалось пехотное мясо вспомогательных отрядов планетарных войск, в исполнении покрытого синяками техника зазвучал среди окружающего уныния новой радужной ноткой. – Мы их завсегда сами отключали. Тем более что не в дугу нормальному пацану с постоянно включенным «стукачом» ходить.

Из сбивчивой и не всегда культурной речи бывшего пехотинца Алексу стало понятно одно – ценителем уставов и положений уголовного и гражданского кодексов его новый знакомый Рикардо Гомес не являлся с самого рождения. «Стукачом» в войсках называли комплекс записи боевой обстановки, интегрированный в прицельный комплекс оружия. По идее руководства ВКС он должен был повышать обучаемость подразделений, позволяя анализировать прошедшие боестолкновения и принимать меры по устранению недоработок и промахов командования при оперировании боевыми единицами. Да только вот заниматься разного рода темными делишками вроде мародерства для пехотинца при включенном «стукаче» было столь же безопасно, как мочиться перед дверьми управления контрразведки космофлота, распевая государственный гимн какой-нибудь империи инопланетян.

Так что, хоть рыльце у Рикардо было определено в пушку, но на настоящий момент наличие такого, хоть и не особенно великого специалиста оказалось Алексу очень на руку. Планетарная пехота никогда не отличалась особыми боевыми умениями и в основном использовалась в полицейских и карательных мероприятиях, но на безрыбье... Тем более что оставшийся контингент имеющихся «вояк» состоял из трех побитых курсантов полиции и утратившей физические кондиции в силу возраста лейтенанта Замволт. Ну и еще взявших в руки оружие гражданских, однако их Алекс за полноценные боевые единицы считать просто не мог.

– Воздух! – В гараж, из которого непонятно куда рассосались все, кто умел ходить, ворвался Вячеслав Смит, после разъяснения обстановки вроде бы отправившийся прятаться от малинитов. – Сюда летят враги!

– Капсулы или корабли десанта? – придиричиво уточнил Алекс, втискиваясь обратно в погрузчик и мысленно ругая себя за то, что не озаботился не только сменой позиции, но и более надежными часовыми, чем паникующий гражданский, к тому же назначивший себя на эту должность самостоятельно. Еще удивительно, что фанатики не нагрянули к ним в гости раньше. Наверное, в связи с перемещением у них сильно нарушились цепи командования плюс кого-то же все-таки должны были при обороне остатков города пристрелить...

– А в чем разница? – неуверенно осведомился ученый, явно не только не служивший в армии, но и не интересовавшийся ее техникой хотя бы на том уровне, который позволяет играть в различные более-менее имеющие отношение к действительности симуляторы.

– В размерах, дурья твоя башка! – вспылл бывший пилот, чувствуя, как утекает время. Если к нему приближались птички наподобие той, которую он сам пилотировал когда-то, то шансов без специализированных средств ПВО у них просто не имелось. Да и бежать бессмысленно, датчики за считанные секунды найдут не защищенное системами маскировки человеческое тело или технику, тяжелые излучатели вмиг вскроют любую обычную постройку и превратят того, кто спрятался меньше чем за парой метров сплошного камня, в перегретый пар. – Там поместится взвод или отделение?

– Ну, по размеру примерно как гражданский флаер...

– Живем, – позволил себе улыбнуться от радостного известия бывший военный, направляя орудие на единственный вход. – Броню этих мы можем попробовать осилить. И даже имеем некоторые шансы пережить их первый залп.

– Стойте! – запаниковал один из курсантов, кивая на лежащие тела тех, в кого фанатиками были вставлены подавляющие волю рабские имплантаты. – Мы не можем драться здесь, они ведь всех расстреляют.

– Они уже мертвы, – покачала головой седовласая лейтенант, возможно помнящая родину малинитов еще нормальной планетой, не погрязшей по уши в религиозных догматах и терроризме. – Жизни новообращенных, чей разум еще можно спасти, если поместить их в хороший госпиталь, эти твари завязывают на биоритмы священников, возглавляющих их отряды. Когда взрывом размазало ту гниду с антигравом, сердца всех, прооперированных сегодня, остановились. Мы должны расправиться с фанатиками раньше, чем они проведут аналогичную операцию всем выжившим, или рискуем остаться единственными людьми на этой планете.

– Представители нашей расы здесь обязаны быть, – запротестовал младший научный сотрудник. – Понимаете, строение барьеров между измерениями таково, что прочность их возрастает в геометрической прогрессии в зависимости от изменений между этими двумя частями мультиверсума...

Продолжить ему не дали лучи боевых лазеров, вонзившиеся в пол гаража и поднявшие после себя тучу пыли и осколков, образовавшихся после того, как материя, в ничтожные доли секунды переведенная из твердого в газообразное состояние, рванула во все стороны.

– Чистят вход, чтобы сразу в дверях под фланговый огонь не попасть, – прокомментировала их действия лейтенант, наводя орудие на проем, куда, однако же, никто не спешил ни входить, ни влетать. – Стандартный прием, если в арсенале нет гранат или чего-то подобного. Сами им пользовались. Сейчас еще чуть-чуть подождут – на случай, если среди нас имеются идущие в лобовую атаку глупцы, – долбанут еще раз, вычищая возможных хитрецов-любителей засад, и только потом влетят внутрь.

– Так! Быстро руки в ноги, и постарайтесь занять позиции сбоку от входа в ангар. – Не отрываясь от наблюдения за проемом немного приоткрытых ворот, больше похожих на дуршлаг из-за многочисленных отверстий, бывший пилот выдал цеу подконтрольному контингенту, как-то само собой свалившемуся ему на плечи. – Лейтенант Зумволт, вы местная, найдете, откуда подпалить задницы этим уродам?

– Есть, сэр! – Старость никак не сказала на закалке пожилого офицера полиции. – Отыщем какую-нибудь ямку!

– Бери с собой Гомеса, и затихаритесь там. Как только сбросят десант и они втянутся внутрь – поджарьте оставшихся и постарайтесь подпалить птичек!

Махнув манипулятором в направлении разбросанных тел, так и не ставших последователями Малина, Алекс приказал оставшимся:

– Быстро берете эти дрова и наваливаете на стойки медоборудования.

– Зачем? – Нотки омерзения и шока, звучащие в голосе ученого, были буквально материальны.

– А затем, дурья твоя башка, что сейчас тут будет много плазмы, а мешков с мокрым песком или кинетических щитов, которые прикроют твою задницу, тут нет! – Чуть ли не срываясь на рычание, бывший пилот, а теперь самопровозглашенный командир отряда сопротивления одним рывком манипулятора опрокинул хрупкий корпус кибердоктора на залитый кровью и чем-то еще непонятным пол, подготавливая основу для импровизированной баррикады, которая хоть на несколько секунд, но должна была сберечь это дурное мясо, толпящееся за его спиной. Радовали хотя бы курсанты, быстро разобравшие искалеченные, но рабочие винтовки и теперь активно мародерившие трупы сектантов в поиске осколочных и плазменных гранат.

Додумать мысль Алексу не дал вдруг ушедший из-под ног пол. И тиски боли в левой ноге, заставляющие глаза буквально вылезать из орбит. Еще не понимая, что происходит, он попытался встать, вернее, заставить сделать это погрузчик, внутри которого находился. Но тут же снова растянулся на полу. Трудно ходить на двух ногах, если одной из этих конечностей уже нет в наличии. К счастью, его самого не порвало на два разных кусочка, которые здесь и сейчас заштопать никто не смог бы. Взрывом, отделившим одну из опор гуманоидоподобного механизма, всего лишь искривило кабину. Гражданская техника, несмотря на модернизацию, была все же не приспособлена для подобных нагрузок. И потому сейчас бедро, голень и ступня бывшего пилота оказались стиснуты и пережаты, кое-где даже порваны безжалостным и острым металлом. Но в ближайшие секунды и, пожалуй, даже часы ничего серьезного, кроме окруживших неожиданно возникший оплот сопротивления фанатиков, его здоровью не угрожало.

– Подловили, сволочи, – обреченно понял он, отползая подальше от места, где в него попали, и выцеливая вход. – Запустили незаметно летающую камеру, а потом уже по ней навели управляемую ракету. Интересно, много у них еще таких игрушек?

Второй ворвавшийся в проем снаряд, двигающийся со скоростью, спасающей его от средств ПВО, а не то что от медлительных людей, и теоретически способный сбить ракету, несмотря на возведенную баррикаду из тел, превратил медицинский комплекс вместе с укрывающимися за ним курсантами в пылающий крематорий. Одного из гражданских, как раз сейчас пытавшегося затащить к свежим покойникам упирающегося ученого, вместе с младшим научным сотрудником довольно далеко отбросило взрывной волной и прокатило по земле. Однако они, по крайней мере, не превратились в пепел и, пожалуй, даже выжили. Ну, во всяком случае, имели на это неплохие шансы.

– Ну, все, – вздохнул Алекс, понимая, что не успеет доползти до входа и его добьют следующим выстрелом. – Кажется, отбегался.

Как бы в ответ на его слова снаружи зазвучал град разрывов, из-за своей частоты сливающихся в злобный, неприятный для уха гул.

– Тяжелый плазмомет, – определил бывший военный, с облегчением понимая, что смерть откладывается. – Вероятно, кто-то очень удачно воспользовался той шумихой, которую мы подняли.

В проем, буквально впритирку друг к другу, ворвались две десантные капсулы, похожие на горбатых черепаха. Одна из них дымилась и, судя по капающим с нее вниз потокам брони, лишилась силового щита. Вторая же оказалась исправной. Во всяком случае, пляшущие вокруг корпуса синие разряды слабо различимых молний свидетельствовали о работе штатного энергетического щита.

Далее предаваться осмыслению происходящего просто не было ни времени, ни желания. Вскинув оружие, Алекс выпустил длинную очередь по капсулам, уже открывающим десантные пандусы. Модель их была ему знакома, пусть сам он такую и не пилотировал. «Фейки» – именно так называли в войсках эти видевшие не один десяток планетарных десантов агрегаты. Их толстенная для машин подобного класса броня при попадании разлеталась в разные стороны расплавленными брызгами, но довольно надежно хранила свое содержимое от всего, кроме ракет с кумулятивным эффектом. Маневренность их находилась на том уровне, который и ожидался от самоходных лифтов класса «орбита-поверхность», и более походила на снабженный реактивными двигателями кирпич, зато скорость снижения благодаря встроенным импульсным гравигенераторам была просто запредельной. Однако имелся у них и один крайне нелюбимый десантниками и планетарной пехотой недостаток. И начистить за него лицо конструктору этого уже давно заслуженного ветерана флота выстроилась бы очередь от штаб-квартиры ВКС до сборочных цехов, к слову, находящихся на околоземной орбите. Опускающийся пандус, бывший по совместительству фронтальным кинетическим щитом десантной капсулы, открываясь, подставлял свое нежное содержимое под выстрелы возможного противника. И никакие переносные бронешиты, которые инженеры пытались всучить и так нагруженным поболее всякого мула десантникам, не спасали от переотражений осколков или огненного ада горячей плазмы, врывающейся в столь удобно подставленные проемы.

Наверное, из-за жадности руководства секты, закупившей на черном рынке именно эти десантные капсулы, и не в последнюю очередь из-за неведомого спасителя, подпавшего этим малюткам крылышки и не позволившего сбросить десант за пределами ангара, Алекс и смог сделать, как иногда говорят на флоте, «золотой выстрел». А точнее, выпустить очередь двадцатимиллиметровых осколочно-фугасных снарядов, ворвавшуюся за опустившийся пандус второго челнока и пробороздившую и без того поврежденный корпус первого.

Выплеснувшийся из зева дальней капсулы фонтан, состоящий из фрагментов тел и капелек крови, подобно какому-то фантастическому цветку, существовал лишь мгновение. Однако он надолго запомнился присутствующим, заставив самых нестойких из них еще долго вскакивать от ночных кошмаров. Моментально клюнувший носом челнок уже без признаков разумной жизни в искрошенных осколками внутренностях пробороздил пол ангара, растирая в кровавую слизь разбросанные тела, и безжизненно уткнулся в противоположную от ворот стену.

А первая капсула, явно получившая несовместимые с нахождением в воздухе повреждения, просто и незатейливо плюхнулась на левый бок, искря оголившейся поврежденной энергопроводкой. Секунды шли, но она не подавала больше никаких признаков жизни, кроме затихающего воя генераторной установки.

Конечно, в этот момент необходимо было бы сделать пару контрольных очередей в так удобно запертых в корпусе челнока сектантов, но покрывало беспамятства накрыло Алекса быстрее, чем он успел перевести ствол оружия по направлению к цели и нажать на спусковую гашетку.

Очнулся бывший пилот от жуткой боли в ноге, которую безжалостно выдирали из железных тисков.

– Ты что делаешь, мучитель! – чуть не плача и с трудом удерживая норовящие брызнуть из глаз слезы, взревел он, замахиваясь кулаком, уже высвобожденным из управляющих перчаток, на рефлекторно отшатнувшегося Вячеслава.

– Тебя, дурака, спасаю, – примиряющее заметил тот, выставляя вперед окровавленные руки. – Хорошо хоть на спину ты в этой дуре упал, а не на живот. Вряд ли бы я нашел, чем такую махину перевернуть.

– Ага. – В глазах у бывшего пилота немного прояснилось, и он попытался оглядеться, впрочем, потерпел неудачу. Почти весь обзор занимала кабина погрузчика, из которой его пока так и не извлекли, а оставшееся пространство перекрывал собой младший научный работник. – А где малиниты?

– Одни дымятся, – на миг обернувшись, посмотрел себе за спину ученый. – Вряд ли внутри остался кто-то живой. А вот вторые уцелели, хоть и со всей дури шмякнулись об пол, и изнутри скребутся как-то подозрительно. Старушка, ну, в смысле лейтенант, сейчас вокруг них кругами ходит, пытается щель найти, куда можно запихнуть плазменную гранату.

Забывье бывшего военного пилота продолжалось недолго. Минуты две, ну три максимум. Соответственно и особых изменений за это время вокруг него не произошло. Хотя герой дня определенно не возражал бы против того, чтобы очнуться не на загаженном полу гаража, а в чистом и спокойном лазарете с улыбчивыми медсестрами.

– Не может не быть в машине десанта запасного выхода, – удивился такому повороту событий Алекс, вновь погружая руки в недра управляющей системы. Теперь осталось набраться решимости и разжать гибкими манипуляторами металл – там, где он сжал ногу. И надеяться не оторвать ее окончательно. – У этой модели... если правильно помню... Нет, не помню. Давно учил, забылось все. Но один выход точно должен быть над кабиной пилота, так их всегда располагают. Так, ну-ка отойди.

– Он наглухо заварен дополнительным слоем брони, – вздохнул Вячеслав, отдаляясь на безопасное расстояние и неожиданно подпрыгивая чуть ли не на метр в высоту. – Мисс! Леди! Черт, как же вас там? Дыра! Дыра у них под задом, слева у самого пола, вам оттуда не видно! Да, вот там! И из нее уже сверкает чего-то подозрительное! Изнутри, заразы, режутся!

Затрещала плазменная винтовка, а затем, спустя пару секунд, приглушенно бухнул разрыв.

– Все, взрыв в замкнутом пространстве оставляет мало вариантов, – сообщил ученый нащупавшему механическими руками поврежденный участок погрузчика пилоту. – Отбега-лись, бедолаги. Эх, жалко мне их.

– Чего?! – От удивления Алекс не заметил, как освободился и целиком вывалился на покрытие гаража. Впрочем, оставь он внутри железного голема не только ногу, но и те дорогие сердцу каждого мужчины органы, которые располагаются немного повыше, после произошедшего мог и этого не заметить. – Тебе? Жалко этих зверей?!

– Они же не осознают, что творят, – покачал головой ученый. – Их с самого детства натаскивали на то, чтобы слушаться священников. У рядовых малинитов нет свободы воли, подавленной регулярной промывкой мозгов и имплантатами. Они скорее биороботы с некоторой долей свободы выполнения полученных команд. В них религией убили человечность.

– Дебил! – Других слов у бывшего военного в адрес расчувствовавшегося интеллигента, принявшегося оправдывать врагов, не нашлось. – Да! А кто стрелял из плазмомета?

– Ну, вероятнее всего, я. Только не лично, а посредством принудительной активации уцелевшей части оборонного периметра. – Неуверенный ломающийся голос принадлежал прыщавому юнцу непонятной наружности, обряженному в просторный балахон, в прошлой жизни вроде бы бывший обычным техническим комбинезоном. Выбритый под ноль череп с торчащими многочисленными гнездами внешних интерфейсов специализи-

рованной нейросети «с головой» выдавал профессию говорившего. Оператор виртуальных систем, он же в соответствии с общераспространенным сленгом «кремниеголовый», хотя никаких встроенных компьютеров из грубых веществ природно-минерального происхождения промышленность давно уже не выпускала. Вероятнее всего, парень «происходил» из службы мониторинга местного полицейского управления. Только их напичканные дополнительными модулями по самое не могу головы могли обработать всю сумму ежесекундно стекающейся из контролируемого периметра фото- и видеоинформации, приносимой многочисленными камерами и датчиками наблюдения. В принципе самая подходящая работа для свихнувшихся на компьютерах и прокачке нейросетей типов. Большинство так называемых кибербоев чуть ли не в очереди стояли, чтобы устроиться на вот такие непыльные должности, позволяющие не только пополнять свою коллекцию имплантатов за счет планетарного правительства, но и иметь достаточно времени для изучения полученных различного рода путями баз. В большинстве своем, конечно, пиратских, что обычно и являлось одним из дополнительных пряников в службе у копов. Знакомства в этом деле решали многое, если не все, а где еще их можно было приобрести, как не среди тех, кто как раз и занимался ловлей подобного контингента?

– Я в «Чудесном мире» фармил, и тут как раз сеть упала. Наружу выглянул, а здесь такое! – Все еще подрагивающий от нервного мандража молодой парень попытался было размахивать руками, сопровождая свои высказывания, но под не менее нервными взглядами окружающих быстро засунул их в карманы и принял независимый вид, впрочем, никого не обманувший. Уж слишком характерно подрагивала нижняя челюсть. Его буквально трясло от страха, и поэтому он старался быстрее выговориться, вываливая из себя кучу фактов и событий. – А там! Страх полный! Трупы, эти придурки всех расстреливают! Здания все разрушенные, в серверной комнате и то стену проломило. Да у меня чуть ложемент не погнуло! А я, между прочим, за него кровные отдавал. Дождешься от этих копов нормального оборудования! А потом! Потом!

Сорвавшийся на визгливое причитание парень схлопотал хорошую весомую пощечину от подошедшего лейтенанта, после чего она спокойным голосом резюмировала поток сознания молодого компьютерщика:

– В общем, он как-то смог удаленно подключиться к еще работающему оборудованию, обошел протоколы безопасности и включил оборону периметра. С чем я нас всех и поздравляю, – после чего материнским жестом провела по дернувшейся было голове гика и добавила: – Спасибо, Сэмми, с меня пицца! Хотя где я ее теперь найду?

– Ах да! – решил пошутить над парнем Алекс, не пропустивший мимо ушей его обмолвку об игре, требовавшей полного погружения в виртуал, а значит, насквозь незаконной. – И три месяца тюрьмы. За фарм в «Чудесном мире», насквозь незаконном, как и все подобные ему проекты, базирующиеся на чистом виртуале. Первый раз попался? Нет? А то ведь кроме трехмесячного отдыха в лишенной всех электронных устройств камере еще и в башку маячок посадят, чтобы не лез куда не надо.

– Блин! – Лысый компьютерщик подпрыгнул в воздухе и еще раньше, чем опустился на землю, пустился наутек. Бывший военный даже заподозрил на мгновение, что у него в теле вместе с другими устройствами встроен антиграв. Служащий полиции на ходу поблек как привидение и стал прозрачным, видимо бесформенный балахон парнишки оказался вовсе не такой простой тряпкой, какой выглядел. Наверняка в нем было припрятано достаточно противозаконных штучек еще на годик-другой отсидки. А то и на запрет использования имплантатов, подходящих хоть для какого-то контакта с техникой, включая физическое удаление уже установленных.

– Стоять! – Как седому лейтенанту удалось не только догнать, но и повалить юнца, Алекс так и не понял. Не иначе ее медицинские приборчики работали в форсажном

режиме. – Сэмми, он пошутил! Тебя никто не тронет, у тебя справка есть, что на правительство работаешь! И вообще, всей дисциплинарной системе пришел каюк!

– А? – Незаконный пользователь виртуала снова обрел очертания под женщиной, годящейся ему в прабабушки, а может быть даже и являющейся таковой. – Да? Точно! Я ж об этом в чате малинитов читал! Они тоже додумались до того, что установка научников рванула.

– Так, – подобралась лейтенант и поднялась со своей добычи. – А чего ты еще про них вычитать успел?

– Ну, многое, – хлюпнул расквашенным носом парень, обиженно косясь в сторону Алекса. – Вот только какая теперь разница? Я ж систему безопасности, которую кто-то подвесил, частично разморозил, угрозу в виде малинитов в файлах данных нашел, а система себя протестировала, девяносто девять процентов устройств обороны не нашла и тут же красный режим включила. Короче, на улицы вышли боевые дроиды, которых военные на случай беспорядков в подземных хранилищах прятали. Им всем каюк.

Повеселевшие лица окружающих были быстро приведены в исходное состояние скрипучим голосом Иды Зумволт:

– Угу! Целых пятьдесят два раза, как выражалась моя незабвенная бабуля! У этих железных болванов на вооружении только станнеры и клееметы для сдерживания беспорядков. И как вы думаете, насколько эти консервные банки задержат террористов? Более или менее внушают надежду только стационарные турели, но, судя по тому, что я видела, уцелела максимум одна из пяти, а то и меньше. Все же это здание было попрочнее, чем остальные. А о целостности башенок охранного периметра уже просто молчу.

Попытавшись отряхнуть мешковатый комбинезон компьютерщика, лейтенант посмотрела на результат своих трудов и махнула на это дело, оценив степень заляпанности одежды кровью и какими-то подозрительными ошметками, ранее щедро усеявшими пол. И в этот самый момент прислонившийся к оплавленной медицинской стойке и поудобнее расположивший руки на висящей на груди плазменной винтовке Рикардо Гомес задал, наверное, важнейший на этот сумасшедший день вопрос:

– И кто-нибудь скажет мне, как мы будем выбираться из этой задницы?

– Колись, умник. – Алекс смерил компьютерный придаток грустным взором, не желая верить, что все их разведывательные силы и поддержка систем местной обороны представлены сейчас именно этим типом, крайне ненадежным на первый, второй, третий и все последующие взгляды. – Какая часть города уцелела? Сколько тут малинитов? Чем вооружены? Об остальном будем думать и переживать позже, если выживем.

– Эм, ну полтора квартала где-то, может, два, – неуверенно промямлил парень и, закрыв глаза, начал странно подергиваться, видимо, задействовал свои имплантаты и пытался достучаться до уцелевших участков компьютерных сетей. – Многие здания обрушились вниз по склонам, и потому посчитать их сложно. А террористов здесь уцелело... Сейчас гляну... Ну, так... А еще... Минуточку, начинаю перебор каналов.

– Он нормальный? – тихонько спросил бывший военный, повидавший на своем веку немало чудиков, которым имплантаты и оперативная память микросхем начисто заменили разум.

– Вменяемый, – кивнула пожилая служащая полиции. – Не сказать, что хорошо его знаю, но общаться раньше доводилось. Кстати, по малинитам... Вы с ними сталкивались раньше?

– Да как-то нет, – пожал плечами Алекс. – Меня больше по колониям мотало, а они всегда свои пакости в Солнечной системе творить старались. Ну, поближе к центру, так сказать, чтобы шума больше было.

– Тогда слушайте и запоминайте, – начала делиться опытом старая женщина. – Пехота у них... Ну, вы видели. Пушечное мясо с устаревшим или даже самопальным вооружением,

их задача в нормальных условиях – дать по толпе очередь или кинуть гранату, после чего сдохнуть от огня защитников правопорядка. Чувства самосохранения нет, страха нет, мозгов и умения просчитывать ходы, как свои, так и противника, тоже нет. Опасны, как по самые гланды накачавшаяся наркотиками шпана, заполучившая стволы. При наличии времени и снайпера проблемой не считаются.

– То-то я гляжу, как-то мы их легко покромсали, – заметил бывший военный, осматривая внутренности помещения, где к телам жертв теперь добавились и трупы их убийц.

– Младшие командиры – все сплошь священники их чертовой религии, они на порядок опаснее, – продолжала женщина. – Тот летун был как раз одним из них. Имеют имплантаты, как нормальные военные, быстры, сильны, живучи, вооружены на уровне даже не обычных войск, а спецназа. Сохранили достаточно мозгов, чтобы самостоятельно выполнять поставленные боевые задачи, в общем, становой хребет их сил, к которым крепится все мясо. Всегда держат в голове план отхода в безопасное место. Нередко, прикрывшись подчиненными, успешно скрываются с места проведения терактов, если они у начальства на хорошем счету и их есть кому эвакуировать. Ну а старшее жречество, будем надеяться, нам не попадется. Хотя его представители при такой акции обязательно присутствуют.

– В зоне действия сетей осталось шестнадцать активных каналов связи, один из которых приоритетный, – наконец открыл глаза Сэмми.

– При одном командире полтора отделения и, следовательно, еще как минимум две птички вроде уже поджаренных, – кивнула лейтенант полиции, видимо отошедшая от шока и взявшая себя в руки. – Где они?

– Ну, я могу сказать только приблизительно. – Замявшийся с ответом компьютерщик извиняюще развел руками – Сами понимаете, у меня же не комплекс пеленгации. Где-то рядом, ну и, может быть, чуть севернее. Это единственное, что удастся узнать с помощью сохранившихся антенн. Да и то – данные получены на основании разностей уровней сигналов и таймлага пакетов. Ничего точного, конечно, но за плюс-минус тридцать градусов поручиться могу.

– А расстояние? – В принципе Алекс был рад и такому целеуказанию, но аппетиты, как говорится, растут во время еды.

Еще раз пожав плечами, походивший при этом на ожившего китайского болванчика Сэмми хлопнул носом и, вытерев его не особенно чистым рукавом, сообщил:

– От полукилометра до двух. Точнее – уже не ко мне, – выдал он экспертное заключение. – Или дайте мне контейнер «мошкары», а еще лучше кластер «пауков», тогда они у меня вот где будут!

Воинственно сжатый грязный кулачок компьютерщика, которым он потряс в воздухе, комментируя свою речь, несмотря на серьезность текущего положения, вызвал улыбки на лицах присутствующих. Даже на лицах кое-как перевязанных обрывками комбинезонов и форменной одежды раненых. Применяемые сектантами плазменные пехотные винтовки были очень уж гуманными по воздействию на личный состав без бронезащиты – либо смерть от денатурации белка в результате обширных ожогов и общего перегрева организма, либо касательные повреждения, в основном сводившиеся к обугливанию эпидермиса. Так что среди наскоро перевязанных счастливиц, выживших после плазменного ливня, совсем уж умирающих не встречалось. В основном люди получили опасные повреждения от гранат и осколков двадцатимиллиметровых снарядов погрузчика. Потихоньку, полегоньку, подозрительно косясь в каждый темный угол, выжившие принялись выбираться из наполненного мертвецами подвала и стягиваться к полицейскому участку. Здание государственной структуры обладало повышенной прочностью и выглядело намного лучше, чем большинство окружающих строений. И кроме того, рядом с его центральным входом выдвинулась

из крыльца плазменная турель, даже в автоматическом режиме способная отпугнуть огнем вражескую пехоту и легкую бронетехнику.

Про себя Алекс отметил, что тоже не отказался бы от хотя и давно списанных с вооружения, но до сих пор относящихся к не разрешенным для продажи частным лицам и компаниям комплексов оптико-электронной разведки. Он, конечно, не был таким уж спецом по их применению, но даже старая как неизвестно кто стая двух- трехсантиметровых дронов «мошкара» первых двух модификаций в течение минуты или двух дала бы полную тактическую картинку остатков научной базы. И черт с ним, что активного ресурса роботов комплекса хватало только на несколько минут работы, и поэтому летунам обычно приходилось буквально засыпать ими позиции своих и чужих войск, чтобы генералы в капсулах своих начальственных ложементов могли с разных ракурсов видеть организованную и возглавляемую ими бойню. Но, как говорится, на нет и суда нет – уж если и желать о чем-то таком, то лучше о паре взводов космодесанта. Если вспомнить, до какой кондиции доходили эти суровые парни к концу короткого, но выматывающего нервы и насыщенного перегрузками полета, особенно после болтанки противозенитных маневров, то бедных сектантов можно было только пожалеть.

– Так, мое предложение. Берем все оружие, раненых и перемещаемся в спортзал – это будет наша временная база. – Озвучив порядок первоочередных действий, пилот перешел к самому «вкусному». – И да, вы имеете код доступа в оружейную?

– Да черта лысого мне бы его дали! – выругалась лейтенант, махнула рукой и объяснила свое высказывание: – Вы не знаете, каким параноиком был наш капитан. Думаете, мы бы оказались в подобной заднице, если бы у нас на руках были стволы?! После того как сюда перевели эту жирную сволочь, все более или менее нормальное оружие лежало под замком в оружейке. «Во избежание несчастных случаев на рабочих местах и для снижения градуса социальной напряженности на подотчетной мне территории». Тьфу, блин! Не поверите, последние полгода с гражданскими станнерами и древними как сама жизнь тазерами ходили... Вот и доходились!

– Сами виноваты, нечего было куда ни попадя из боевого оружия пулять, – вдруг возмутился Вячеслав. И после того как на нем скрестились взгляды присутствующих, пояснил: – Полгода назад полицейские орлы, надравшись в хламину, докопались до одного из прохожих, по чьей одежде сразу было понятно, что он из провинции. А это оказался не гастарбайтер, готовый безмолвно снести побои, лишь бы его опять в бедные и полуголодные колонии не выслали, а молодой ученый-физик, приехавший на конференцию, забывший постирать свои шмотки и сломавший стражу порядка челюсть. После чего второй коп и разнес ему голову. Этот debil, разумеется, усвистал на планету-тюрьму первым же рейсом, но убитого-то уже не вернешь!

– Кхм, простите, что отвлекаю! – влез в спор Сэмми. – Но мне кажется, что сигналы связи малинитов удаляются. Нет, стоп, я практически уверен в этом! Полицейские роботы сейчас пачками выходят из строя, стараясь задержать нарушителей едва ли не в трех километрах от нас! Их просьбами о подкреплении забиты все частоты!

– Жестянки их не напугали бы, ну если только у фанатиков обоймы не кончились, – задумчиво протянул Алекс. – Так почему же они драпают вместо того, чтобы попытаться до нас добраться?

На несколько секунд установилось напряженное молчание, нарушенное Идой.

– Я думаю, – осторожно начала она, запустив руку в свои седые волосы и безжалостно их дергая, – террористы добились, чего хотели. Не забывайте, против нас сейчас сражаются не обычные люди, а скорее, биороботы, в которых заложен определенный алгоритм действий. Для террора это – нагадить по максимуму и, когда появится реальное сопротивление и пойдут большие потери, попытаться скрыться, отвлекая внимание от более высокопостав-

ленных лиц. И даже если последние сейчас вне зоны действия, мертвы или попали в соседнюю галактику, отданных заранее команд ничто не отменяет.

– Их надо догнать! – забыл о споре с сотрудницей полиции Вячеслав.

– Зачем? – удивился Родригес. – Если мы и правда в другом измерении, то пусть чапают. Мир большой, куда обойдут, авось от старости загнуты.

– Если они отступили, все, кто был в загоне, подобном нашему, мертвы или их взяли с собой, – вздохнул младший научный сотрудник. – Это раз. А два... Готов поставить свою кредитку против обычного камня: мир, куда нас занесло, заселен. И не хотелось бы, чтобы его обитатели строили отношения со своими гостями, то есть с нами, после того, как столкнутся с малинитами и получают от них плазмой в лицо.

– Заканчиваем разговоры. Передислоцируемся – тут мы слишком на виду. – Подхватив одно из трофейных ружей, Алекс, используя его как импровизированный костыль, похромал в сторону коридора, ведущего во внутренности бывшего оплота законности и правопорядка. Дохромав до выбитой то ли накладным зарядом, то ли обычной гранатой двери, он с трудом наклонился и попытался взгромоздить себе на плечо одного из уже потерявших к тому времени сознание раненых.

– Подождите, я вам помогу! – Посильная помощь лаборанта позволила преодолеть несколько поворотов и пятидесятиметровый отрезок коридора до спортзала, а потом уложить стонущую в беспамятстве ношу на относительно мягкие маты. Распрямившись, пилот увидел Сэмми, неизвестно как не путающегося в своем безразмерном балахоне, и Гомеса, заносащих импровизированные носилки из каких-то стержней и листа пластика, на которых лежало сразу два тела. Шатаясь и хрипя от усилий, они умудрились даже не уронить свой груз, а положить его практически аккуратно. Правда, после этого самая слабосильная часть команды носильщиков упала рядом с ранеными, забившись в натужном кашле. Видимо, такие нагрузки для не испорченного физкультурой и мышечными имплантатами организма кибербоя были запредельными. Впрочем, долго отлеживаться ему не дали – пиннок Родригеса и едкий комментарий о бесхребетности компьютерных червей сработали лучше ширялова автоматической аптечки десантного бронескафа, укольчики которой, особенно те, доступ к которым открывается приказом сверху только в экстренных, означенных командованием случаях, скорее всего, способны поднять даже недельной давности труп. Правда, потом, после окончания действия, они же и уложат на полгодика в больничную койку даже абсолютно здорового человека.

Судя по тому, как подхватился Сэмми, несмотря на его громкие жалобы и не менее громкие стоны, от пинка пострадало только самолюбие, а не угробленный сидячим образом жизни организм. Ведь как ни старались современные нейрохирурги, медики и инженеры по киберимплантации, а некое отторжение искусственных включений, особенно при их большом количестве, победить так и не удалось. Именно поэтому страсть и мечта некоторых кремниеголовых умников, решивших перескочить порожек, полностью отделяющий кибернетический организм от органического, хотя и с кучей не предусмотренных природой деталей, пока оставалась только мечтой. Первый индивид, попытавшийся такое сделать с собою, вошел в историю, дав своей довольно неприглядной смертью название вновь открытому синдрому массивированного отторжения нейросети и связанных с ней киберимплантатов.

В течение последующих тридцати минут в спортзал перенесли трофейное оружие и боеприпасы, а также где-то найденную Идой аптечку. Впрочем, брали выжившие далеко не все. Некоторые вещи, а в особенности оружие погрузчика и снаряжение уничтоженных в первом шаттле сектантов так и остались в гараже. Пушку просто не смогли выдрать без инструмента из конечности переделанной складской машины. Да если бы и выдернули – как справились бы с более чем стокилограммовой машиной, и это не учитывая снарядный короб и бронешлейф беззвеньева системы подачи? Ну а в упавшую на бок капсулу так и

не смогли проникнуть – видимо, рванувшая внутри граната не только покрошила супостатов, но и полностью вывела из строя бортовые системы. Во всяком случае, дохромавший до упавшей птички Алекс так и не сумел подключиться к ее аппаратуре своей нейросетью с помощью технологического шунта к компьютеру или инфошинуам техсети.

Бронешкурка командира террористов после очереди из того самого оружия, последовавшего за ним падения с высоты в несколько метров и какого-то совсем уж ненужного взрыва плазменной гранаты представляла собой спекшийся комок из пластика, металла, керамики и нескольких десятков фунтов отлично прожаренного мяса, отменно перемешанного в фарш неизбежной при таких повреждениях детонацией энергобатарей, по какой-то нездоровой задумке конструктора установленных внутри бронеобъема, а не на отстреливаемых панелях. В итоге кроме укороченного излучателя «Светлячок» с остаточным зарядом на пару выстрелов, судя по клейму, сошедшего с конвейера только в этом году, с сектантской шишки ничего снять не удалось.

– Так. – Алекс с неудовольствием покосился на свою ногу, которая очень не вовремя решила начать подавать хозяину болевые сигналы о том, что ей срочно нужен медицинский уход и полный покой. – Кибертехник ты наш доморощенный, фанатиков еще отслеживаешь?

– Удаляются от последнего строения с хоть как-то уцелевшими обрывками сети, – откликнулся Сэмми. – Их пытаются преследовать патрульные роботы в количестве восемнадцати. Нет, уже семнадцать. Четыре повреждены, но частично функционируют. Еще два десятка выведены из строя до степени, когда черный ящик сигналы уже не подает.

– Маловато, – задумчиво протянула лейтенант. – На случай гражданских беспорядков, которых всерьез опасались из-за проводимых на базе исследований, эти железяки размещали из расчета примерно сотни на квартал. Остальные где?

– Не знаю, – повинился компьютерщик. – Связи с ними нет, но и сигналов о прекращении их работы действующие машины не зафиксировали, а ведь обязаны были. Может, не активны, может, раздавило их во время катастрофы.

– Черт с ними, с роботами, – заметил Вячеслав. – Меня больше интересует, где люди! Ну, те, кто из загона выбежал, когда вся эта катавасия началась.

– Да здесь, по территории разбрелись, – неуверенно ответил гений электроники, видно испытывающий сложности с пеленгованием тех, кто не оснащен работающими на одной волне передатчиками. – Вернутся. Ну, кроме счастливых, которые малинитам на пути попались, те уже, наверное, в лучшем мире. Куда им тут особо идти?

– Мало ли. – Алекс не стал недооценивать способности гражданских попадать в нелепые и опасные для них ситуации, обязательно возникающие во время чрезвычайных происшествий. – В пропасть свалятся, не до конца обрушившимся зданием засыплет, повесятся от избытка чувств...

– Пойду включу громкоговорители, – решила седовласая лейтенантша. – Раз одна турель уцелела, то и расположенный под ней динамик тоже, только для того, чтобы его запустить, возиться с кодами доступа не надо. А если мы и правда попали в другое измерение, то люди – это наш самый главный и невозстановимый ресурс!

– Да нет же, – возразил ей Вячеслав. – Вы неправильно понимаете принцип действия той установки, которую мы собирали. С ее помощью открывается переход не на другую планету, а на другую версию нашей Земли. И чем дальше настоящее отстоит от ставшей нам родной реальности, тем больше надо будет потратить энергии. Не знаю, чего натворил тот взрыв, но его явно было абсолютно недостаточно, чтобы перебросить два квартала туда, где еще живы динозавры или скачут по воздуху питающиеся солнечным светом единороги, а место человечества занимают какие-нибудь ушастые кракозябры. Ну, если пришельцы, давшие нам эту технологию, правильно понимают принципы, по которым работает их же устройство. Люди тут есть. Должны быть. Только вот какие...

– Некоторым представителям человечества, вроде тех же малинитов, я бы предпочла стаю сексуально озабоченных тираннозавров, – фыркнула Ида, скрываясь в дверях. – Сэмми, за мной! Одна ведь буду до следующего вечера с этой покалеченной электроникой возиться. А вы, обормоты, приведите себя в порядок и постарайтесь выглядеть браво. Вряд ли у понятного и привычного нам здешнего уцелевшего человечества, а не местной его разновидности, если таковая вообще отыщется, найдется другая власть.

– Мы? – удивился бывший пилот и ошалело посмотрел на своих спутников. Такой поворот событий как-то не приходил ему в голову.

– Чур, я главный по обороту наркотиков! – мгновенно сориентировался Родригерс. – И проституции!

– Кажется, эти должности все же называются как-то иначе... Ладно, черт с ним! Ребята, а медпункт здесь есть? – задумался Вячеслав, рассматривая свои содранные в кровь ладони. – А то как бы заражение крови не получить от этой грязи.

– Его завалило! – донесся голос лейтенанта полиции из-за двери. Судя по всему, достучаться до оставшихся электронных устройств главный и единственный на настоящий момент компьютерщик полицейского участка пытался откуда-то из соседней комнаты.

– Бред какой-то, – решил Алекс и, подняв себя невероятным усилием воли, потащился к выходу с крайне корыстными целями: перехватить первого же, кто подтянется на вопли громкоговорителя, и послать его на поиски аптеки. За перевязочными средствами и обезболивающим.

Глава 3

В итоге все население остатков научной базы «Амаласунта» составило двадцать человек, из которых четверо были нетранспортабельными из-за своих ран, а одна девушка впала в состояние кататонического шока и упорно не реагировала на слабые раздражители вроде слов и пощечин. Остальные полтора десятка человек тоже отнюдь не блистали здоровьем и через одного имели травмы разной степени тяжести. Ко всей этой инвалидной команде прилагались пара-тройка квадратных километров разрушенных зданий и ни одного исправно работающего госпиталя. Два сумасшедших дня прошли в поисках хоть каких-то медикаментов, оружия и пропитания. В итоге неожиданно для самого себя джекпот сорвал Алекс, отыскавший разбитый броневик службы безопасности и вскрывший там отсек с НЗ. Пайки, бинты и разработанная специально для лечения плазменных ожогов заживляющая мазь могли бы принести ему стопроцентную победу на местных выборах, если бы уцелевшие люди окончательно рехнулись и решили их провести. Такой вот экстремальный конкурс на звание «Лучший кризисный управленец этого года».

За прошедшие сорок восемь часов Алекс успел окончательно сорвать голос, разбить костяшки правого кулака о лицо одного несговорчивого идиота и даже опробовать трофейный «Светлячок» на безумце, вроде бы не являющемся малинитом, но палящем направо по всем встреченным людям из короткоствольного лазерного пистолета-пулемета. Нет, конечно же везде лезущий со своими советами лаборант утверждал, что у размахивающего перегретым дымящимся стволом и покрытого коркой запекшейся крови громилы всего лишь временное помешательство. Так что шапочно знакомый ему профессор Станильски обязательно скоро придет в себя. Но вот свежим трупам, валяющимся у ног рычащего, словно дикий зверь, и роняющего пену с посиневших губ буйного ученого, было уже все равно. Что там точно случилось, навсегда останется тайной, но, оказавшись запертым в небольшом закутке заваленного обломками кафетерия, профессор всего за какие-то несчастные сутки успел не только сойти с ума, но и порешить всех пятерых, если можно так выразиться, однокамерников.

Трофейный «Светлячок» относился к числу так называемых матчевых импульсных лазеров, применяемых обычно покорителями других планет при охоте на не очень крупную и не особо опасную ксенофауну. Оружие подобного класса за ювелирную точность и почти полную бесшумность очень любили киллеры. Ударопрочный корпус из термостойкого пластика содержал массив одномодовых лазерных диодов, скомбинированных с волоконным усилителем, разрядная лампа накачки которого находилась прямо под стволом и совмещалась с небольшим баллоном углекислоты для принудительного инъекционного охлаждения в конце каждого рабочего цикла. Добавление мощной энергобатареи из сверхпроводящей криокерамики давало на выходе великолепный «дырокол», подходящий как для тихого устранения цели, так и для воскресного выпендривания перед знакомыми. Звук любого, даже самого лучшего глушителя, который можно прикрутить к огнестрельному пистолету или винтовке, не стоял ни в каком сравнении с тихим успокаивающим шипением системы охлаждения данного девайса. А еще к нему добавлялась изумительная прицельная дальность в пару сотен метров (для атмосферы конечно же). Если бы не относительно малая энергия импульса и поголовное использование в войсковых бронекombineзонах и бронескафах испарительных слоев лазерной защиты и металлизированного зеркального напыления, то лучшего оружия для пехотинца и не надо было бы желать. Но – се ля ви, как говорится.

С черепом сумасшедшего профа «Светлячок» справился на раз, только мигнул указателем критического разряда батареи, и голова безумца взорвалась, как тыква на Хеллоуине после хорошей петарды. Возможно, где-то под завалами еще оставались живые люди. Или

они находились в окрестностях кусочка города, перенесенного не пойми куда. Но их не слышали и не могли найти немногими уцелевшими и функционирующими приборами. А значит, надеяться на чудо было просто глупо.

– Так, что у нас есть? – Постаревшая еще, казалось, лет на тридцать Ида Замволт, ставшая благодаря своему опыту и неожиданному для ее лет напору кем-то вроде начальника импровизированного лагеря для беженцев, устало потерла виски. Ей явно хотелось послать куда подальше это импровизированное подобие рабочего совещания и пойти где-нибудь полежать, но мешали не то совесть, не то гордость, не то чувство долга. А может, и все они сразу. – Люди. Благодаря тому что «Амаласунта» была все же научной базой, а не спальным районом, плотность застройки у нас небольшая. Да и небоскребов не имеется, так, скромные домики-коттеджи в два-три, максимум пять этажей...

– Не отвлекайтесь, – попросил ее Алекс, блаженно растянувшийся на обретенном в кабинете какого-то начальника роскошном офисном кресле. Ноги бывшего пилота, натруженные за два дня раскопок и перетаскивания находок к участку, болезненно ныли. – Так насколько у нас все плохо с людьми?

– Ну, начну с того, что населения у нас на одного человека меньше, чем вы думаете. Тот бедняга с перитонитом услышал краем уха, что у нас нет исправных робохирургов, способных вычистить и зашить его распоротые кишки, и мы можем лишь глушить ему боль да пичкать бесполезными антибиотиками, – вздохнула женщина, уныло накручивая седые волосы на указательный палец. – После чего застрелился из оставленного в палате пистолета. Зачем их вообще раздали больным?

– Хорошая противошоковая терапия, – пожал плечами Алекс, выступающий как крупнейший спец по военным действиям. – Ничто так не успокаивает людей, побывавших в плену, как ствол под подушкой. А вообще он поступил правильно, ушел как мужчина.

– Как дурак, – немедленно встал в оппозицию компьютерщик. Сэмми выглядел не особо здоровым... Но и не более больным, чем обычно. Минувшие двое суток он тоже трудился не покладая рук, но люди его типа изначально имеют привычку при вызванной очередным авралом необходимости работать в режиме нон-стоп. Некоторые из них вообще не спят целыми неделями и месяцами благодаря дополняющим их тело имплантатам, а просто периодически отключают утомленные участки мозга. – Еще бы дня три потерпел, и я наверняка смог бы разобраться с тем робохирургом, которого мы достали из стоматологии. Ну, собрать из него и той штуки, прошитой малинитами, нормально работающее устройство.

– Теперь нет необходимости так спешить, – вздохнула бывший лейтенант полиции, исчезнувшей вместе со всем прежним миром. – Оставшиеся, скорее всего, поправятся и без операций. Займись лучше чем-то вроде сигнализации, чтобы к нам не подобрался незамеченными. Мне те сбежавшие фанатики просто покоя не дают. А из десятка найденных нами под завалами и расставленных по периметру роботов сторожа неважные.

– Хорошо, – пожал плечами компьютерщик. – Да, кстати, если вам интересно, один из выживших сравнил карту звездного неба и то, что у нас над головой. И нашел отличия.

– Так это не Земля?! – ахнул Алекс, хватаясь за голову. Без вливания свежей крови их небольшой анклав был обречен на вырождение через пару поколений.

– Да нет, планета наша, – поспешил заверить гений электронных систем. – Все остальные исследования это подтверждают. Гравитационная постоянная, другие параметры... Предположительно мы просто сместились не только в пространстве, но и во времени. А поскольку звездные системы непрерывно движутся относительно друг друга, то и небосклон для нас выглядит непривычно. И кстати, мы обнаружили какие-то подозрительные шумы в эфире.

– Сейчас этим заниматься некогда, – вздохнула Ида. – Перебрось лучше его в похоронную команду, а то на улице все-таки не зима, и скоро мы продохнуть не сможем из-за вони

мертвечины. М-да... В общем, людей у нас мало, детей среди них нет совсем, а единственная пожилая – это я. Малиниты расстреливали на месте тех, кто не мог принять их рабские имплантаты, рассчитанные на взрослых. У нас есть четыре инженера разных специальностей, включая тебя, Сэмми. Правда, один бывший, ушедший в коммерцию, но вроде бы клянется быстро вспомнить позабытые навыки.

– Очень хорошо. – Алекс практически с самого начала своей службы придерживался мнения, что технической поддержки много не бывает. Ну а слаженные действия целого квартета знающих людей могли и настоящий аэрокосмический истребитель восстановить из груды хлама. Пусть не сразу и не без необходимых запчастей. – Кто дальше?

– Трое бухгалтеров, ну или там офисных секретарей, короче, марателей бумаги бесполезных. Один юрист, тоже ничего не умеющий делать руками. Двое рабочих по уборке улиц, ребята в принципе работающие, но, кроме тяжелого физического труда, мало на что способные, – скривилась Ида, явно не слишком высоко оценивающая вышеназванных. Впрочем, по мнению Алекса, лучшим учителем являлась сама жизнь, особенно если она использовала смерть в качестве стимула. Те же рядовые за какой-то месяц, если их толково учили и неплохо лечили, из обычных гражданских превращались в нечто реально опасное для противника. – Четверо полицейских. Нас благодаря какому-никакому боевому опыту по возможности старались брать живьем, так как мы могли стать эффективными боевыми единицами. Психолог, теперь ставший главврачом, так как никого другого, хотя бы поверхностно разбирающегося в медицине, просто нет. Девочка для отдыха из вип-салона, та самая, которая, несмотря на свою профессию, сейчас в шоке и может так и не прийти в норму. И двое ученых. Вячеслав и смешной коротышка с незапоминающимся именем, похоже, проводивший все те измерения, результаты которых мы выслушали. В общем, ничего хорошего.

– Техники и запасов у нас относительно много, – начал рассказывать о своем поле деятельности Алекс, разгребавший завалы. – Даже несмотря на катастрофу. Просто слишком мало выживших осталось, чтобы волноваться в ближайшее время из-за нехватки чего-нибудь. Относительно уцелели и могут быть быстро разрыты восемь аптек. Есть аж три десятка магазинов с продуктами, пускай даже половина имеющегося в них товара скоро испортится. Четыре точки с бытовой техникой. В целости и сохранности торговая галерея с одеждой, даже стекла все на месте, а охранная система пытается вызвать полицию и не пускать посторонних. Что еще...

– Системы защиты, – напомнила ему Ида. – Сейчас это даже важнее, чем люди. Стоит на нас напасть более-менее организованному противнику, и мы покойники.

– В связи с вероятностью повторного налета участок... ну, то, что от него осталось, приведен в более или менее готовое для обороны состояние. – На секунду задумавшись, пилот продолжил свой доклад и переключился на вещи, менее важные для сиюминутного, но более необходимые для долговременного выживания. – Удалось восстановить еще две турели, а если честно, просто заново подвести к ним питание. Установка стационарного щита восстановлению не подлежит. Ее раздавило несущей стеной, так что даже ремонтировать нечего – просто хлам. В участке бригада наших рудокопов на добровольно-принудительных началах под руководством Гомеса продолжает долбить стену оружейки. Если ваши воспоминания точны, лейтенант, то наш арсенал существенно пополнится и мы сможем хоть как-то перекрыть периметр. Но до этого, судя по темпам работы, еще долго. Минимум сутки провозятся. Кстати, Рикардо вскрыл хранилище улик, так что если кому-нибудь удастся придумать, на какое доброе дело пустить синткочаин и пару килограммов новомодной химической конфетты – можете обращаться. Правда, заранее предупреждаю, если застукаю под кайфом – вырву ноги.

– И правильно, нас и так мало, чтобы портить себе здоровье разного рода химией. – Ида Замволт после этих слов помассировала изборожденный морщинами лоб и с устало-

стью в голосе спросила: – Еще что-нибудь по общим вопросам есть? Вы, Алекс, как самый соображающий в военном деле, сможете подобрать небольшой отряд, не более двух-трех человек, для исследования окружающей местности? Мы сейчас полностью слепы и глухи. И неизвестно, что или кто нас окружает.

– Лучше не отрывать людей от разбора завалов. Пока еще есть надежда найти кого-то выжившего. Если я правильно помню из баз гражданской обороны и механики катастроф, вероятность успешных спасательных действий максимальна в первые пять дней и падает только на седьмые сутки. – Поудобнее выпрямив все еще ноющую ногу, пилот, а теперь вынужденный глава внешней разведки и вооруженных сил продолжил: – Мы с Сэмми немного подшаманили несколько найденных игрушечных флаеров на дистанционном управлении. Конечно, это жалкая замена разведывательным дроидам или «мошкаре», но уже сегодня сможем хотя бы приблизительно оценить развалины с воздуха и немного осмотреться по сторонам. Сдерживают только крайняя маломощность игрушек и некоторые ограничения в навигационном оборудовании.

– Ну, допустим, там я поковыряться смогу, когда руки дойдут, а пока максимум пятьдесят метров высоты – это же нулевой горизонт для самодельной игрушечной техники. – Задумавшийся о чем-то компьютерщик встрепенулся и добавил свои пять копеек в обсуждение. – И мощных передатчиков у меня тоже нет – так что полкилометра-километр. И то потребуются поднять пару ретрансляторов повыше. Я вам не фокусник, чтобы из ничего конфетку делать. Если бы наши коповские летающие глаза сохранились, было бы получше. Увы, пока нашел только один, да и тот по сути – лишь мятый корпус и полведра деталей. Одна надежда на арсенал...

– Копать-то есть чем? – осторожно спросила Ида.

– Угу, – спокойно откликнулся Алекс. – Говорю же, нашли магазины с бытовой техникой. В том числе и дроидами-строителями в заводской упаковке. Никто руками битый камень не носит, все через пультики механическими работниками командуют. В принципе потом их удастся и под боевое применение перепрощить. Вот только бронирования нет вообще, бока можно проткнуть пальцем. И пожалуй, с выходом за пределы исследованной территории мы повредим. Толку от двух непрофессиональных наблюдателей будет мало, а детекторы движения почему-то тоже хранятся в арсенале.

– В кладовой не положено оставлять, а на дело их и не брали никогда, – буркнула полицейская, обладающая изрядным опытом. – Город же. Реклама, прохожие, машины, в общем, всех источников помех не перечислить. Да! Как с транспортом?

– Почти весь разбит и непригоден для использования, – мрачно вздохнул компьютерщик. – Вы же знаете, как легко воспламеняются батареи движков и как ярко они горят. Стоит взорвать крайнюю машину, и от ее жара начинается цепная реакция, за полчаса захватывающая целую стоянку. Удалось найти с пяток обычных гражданских драндулетов, один частный летающий флаер на четыре места, а также условно грузовой фургон мороженщика.

– Как вы думаете, куда подевались уцелевшие малиниты? – спросил Сэмми, нервно стуча пальцами по корпусу извлеченного из кармана и уложенного на колени наладонника.

– Понятия не имею, – вздохнула седовласая лейтенантша. – Кто знает, какую программу им в мозгах прошили и насколько успешно она сработала в текущих условиях. Может, в округе шляются, караулят удобный момент, чтобы добить нас. А может, на юг рванули, на слонов охотиться, которых их священный пророк нечестивыми животными обозвал. В нашем родном измерении их уже и можно-то было лишь по зоопаркам найти, а здесь они, наверное, еще всюду водятся.

– На кого? – не понял бывший пилот. – Это что еще за твари?

– Вот. – Компьютерщик при помощи наладонника вызвал голограмму – изображение серокожего исполина, на чьей оснащенной внушительными бивнями голове уместился какой-то загорелый едва ли не до состояния черноты человек. – Никогда не видел?

– Даже не знал, что такие бывают, – пожал плечами Алекс. – Думал, будто у нас на Земле единственное крупное животное, которое со щупальцами, это осьминог. Да и тех встречал лишь в аквариумах дорогих суши-ресторанов. А с чего фанатики должны были начать на них охотиться?

– У них в священных текстах чуть ли не целая глава посвящена этим экзотическим представителям фауны, объявленным главными виновниками начала Третьей мировой войны и заката золотого века человечества, – фыркнула Ида. – Представляешь? Из-за того, что какой-то урод смог затолкать внутрь своего ручного крупногабаритного зверька ядерный фугас и в таком виде протащил его в существовавший тогда крупный город Дели, превратив тот в радиоактивные руины, вся популяция зверей оказалась под угрозой. Ну а у государства, чьей столицей являлся город, случился вооруженный конфликт с соседом, которого обвинили в теракте. Еще, кажется, крупного духовного лидера, чьего-то там папу, убили ответным ударом, и всемирно известное святилище какой-то Мекки разбомбили... А может, я и путаю чего, давно историю учила.

– Все равно не понимаю, – пожал плечами пилот. – Малиниты-то тут при чем? Это относительно молодая секта, а та бойня черт-те когда случилась.

– Они базируются на фундаменте нескольких старых религий, слитых воедино, – пояснил кремниеголовый. – И все, вот уж совпадение, прекратили существование именно в те времена. Малин, когда создавал свое учение, вероятно, специально их подбирал по срокам исчезновения, а потом, сотворив из них гремучий коктейль, сделал одним из его компонентов живое вместилище скверны – слона. А может, на него в детстве какой-нибудь из этих зверей, встреченный не иначе как в цирке или зоопарке, нагадить умудрился, и потому пророк в своем учении столько места уделил обидчику.

– Хорошо, – потерла виски женщина. – Так, ну вы работайте, а я спать. А не то специально для меня наш психолог, отказавшийся пару часов назад выдавать новую порцию стимуляторов, найдет уютную комнату с мягкими стенами.

Алекс лишь молча кивнул, в отличие от сидящей перед ним пожилой дамы он за прошедшие пару суток умудрился некоторое время подремать и потому был чуть-чуть бодрее. Прикрыть глаза удалось во время разбора завала, когда дал дроиду команду работать именно здесь. Если устройство находило нечто необычное или же не могло пробиться дальше, то надетый на руку сигнальный браслет, стыренный из полицейского участка и вообще-то являющийся ограничителем для тех заключенных, которые находились под домашним арестом и обязаны были соблюдать определенные правила поведения, будил своего хозяина ощутимым ударом тока.

Внезапно в комнату ввалился небольшой человечек, сжимающий в руках планшет с включенным голографическим экраном.

– Открыли! – заверещал второй из ученых, которого бывший военный сам недавно оторвал от интеллектуальной деятельности и направил на чисто физическую. Долбить стенку арсенала. Вручную. Дроиды объект с достаточной категорией защиты, повинуюсь заложенным в них программам, ломать отказались, а хакнуть их Сэмми обещал примерно за пару дней работы над каждым отдельным механизмом. – Открыли! А там – вот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.